

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1901 г.

№ 1.

Понедельник 1 Января.

„Право“ издается в С.-Петербурге под редакцией приват-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участии: И. В. Гессена, А. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Т. Петражицкого и прив.-доц. В. М. Устинова.

Содержание: 1) Право и судъ. Проф. Л. Т. Петражицкого. — 2) Наказуемость открытаго нападенія одной части населенія на другую. М. Ипполитова. — 3) Къ вопросу о законномъ составѣ земскихъ собраний. Д. Д. Лобанова. 4) Нѣмецкая литература частнаго права. Проф. Берлинскаго унив. P. Oertmann. — 5) Дѣло Штернберга. Г. Шатрова. — 6) Судебные отчеты: Соединенное присутствие 1 и Гражд. касс. деп. Прав. Сената. I. Дѣло издателя журнала «Новое Слово». II. Дѣло издателя газеты «Работникъ» III. Неявка исца по дѣламъ, разсматриваемымъ въ порядкѣ 1316 и сл. ст. уст. гр. суд. — 7) Хроника. — 8) Юридическая общеста: Открытіе Харьковскаго юр. общества. — 9) Библиография: Вѣстникъ Права № 9 за 1900 г. — 10) Судебная и судебно-административная практика: а) 1 Департаментъ Пр. Сената (Опредѣленіе законности состава уѣзднаго земскаго собранія), б) 2 Отдѣленіе Угол. касс. департ. Пр. Сената (Условія примѣненія 104¹ ст. уст. о нак.). — 11. Отвѣты редакціи. — 12) Справочный отдѣлъ.

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ за ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разерочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1901 годъ.

Право и судъ.

Въ современной наукѣ гражданскаго права, и не только гражданскаго права, играютъ весьма серіозную роль понятія „интересъ“ и „защита“, порознь и въ комбинаціи: „защита интересовъ“. Дѣло, впрочемъ, идетъ не столько о *понятіяхъ* „интересовъ“, „посягательствъ“ на нихъ, ихъ „защиты“, сколько о *выраженіяхъ*: различные авторы соединяютъ съ этими выраженіями различныя понятія; обыкновенно же вообще съ ними опредѣленныхъ научныхъ понятій не соединяется; подъ ними скрываются разныя метафоры или смутныя и неясныя представленія и тенденціи¹⁾. Тѣмъ не менѣе эти выраженія слѣдуетъ примѣнять почаще. Кто ихъ часто примѣняетъ, тотъ, очевидно, держится новаго „практическаго“ направленія. Кто ихъ примѣнять бы не сталъ, того слѣдуетъ считать отсталымъ, формалистомъ. Въ нѣкоторыхъ юр. сферахъ тѣхъ, которые не успѣли усвоить себѣ

эти и т. п. излюбленные „термины“ юриспруденціи конца вѣка, называютъ еще болѣе позорнымъ именемъ, а именно „классиками“; это выраженіе на научномъ языкѣ криминалистовъ моднаго направленія означаетъ приблизительно скудоуміе.

Положительнымъ признакомъ той же отсталости, формализма и т. д. считается приверженность къ „логикѣ“, идеямъ, принципамъ и т. п. формалистическимъ или непрактичнымъ вещамъ.

Направленіе это, въ особенности теорія права, какъ „защиты интересовъ“, какъ извѣстно, связаны съ именемъ знаменитаго Геринга, оказавшаго своими блестящими трудами вообще рѣшающее вліяніе на характеръ и направленіе современной юриспруденціи. Этотъ гениальный романистъ предложилъ и проводилъ понятіе права, какъ „защищенныхъ интересовъ“ или „самозащиты интереса“¹⁾. Онъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду гражданскія права и исходилъ изъ положенія, что искъ предъявляется по инициативѣ потерпѣвшаго; въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ о „самозащитѣ интереса“ и отождествляетъ сію самозащиту съ правами²⁾.

¹⁾ Ср. мон: Очерки философіи права. I. Основы психологической теоріи права. Обзоръ и критика современныхъ воззрѣній на существо права. § 10. Тамъ же о такой же роли любимаго выраженія „цѣль права“.

¹⁾ Jhering, Geist des röm. Recht III §§ 60, 61.

²⁾ Sonach lässt sich das Recht definiren als Selbstschutz des Interesses, назв. соч. § 61.

Какъ слово „интересы“, такъ и признаніе рѣшающаго значенія элемента „защиты“ являются въ системѣ Геринга воплощеніемъ его „практическаго“ или „реалистическаго“ направленія. Право безъ судебной защиты, по его мнѣнію, не имѣетъ никакого смысла, это *contradictio in adjecto*, „огонь, который не горитъ“. „Какъ для огня существенно горѣніе, такъ для права принужденіе къ его соблюденію путемъ суда“¹⁾.

Сообразно съ этимъ въ своихъ романистическихъ изслѣдованіяхъ Герингъ строилъ и проводилъ разныя спеціальныя теоріи правовыхъ институтовъ съ точки зрѣнія „защиты интересовъ“ кредиторовъ, собственниковъ и т. д. противъ не-собственниковъ, должниковъ и т. д. Наиболее крупною и знаменитою изъ его теорій этого рода является теорія института „защиты владѣнія“, какъ средства облегченія судебной защиты собственности, а именно облегченія для собственника судебного доказательства его права. Эту теорію и монографію, ее обосновывающую и развивающую, онъ считалъ не только рѣшеніемъ знаменитой загадки института владѣнія, но и, такъ сказать, воплощеніемъ преимуществъ своей практической процессуальной точки зрѣнія и посрамленіемъ пріемовъ изслѣдованія исторической школы.

Впрочемъ, на ряду съ обычною своею точкою зрѣнія представителя разныхъ истцовъ, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій проводилъ тоже процессуальную, но менѣе одностороннюю точку зрѣнія—судейскую. Для того, чтобы объяснить, практически истолковать нормы гражд. права, надо представлять себя въ роли судьи, разбирающаго соответственные конкретные процессы.

Мнѣ уже не разъ приходилось указывать и доказывать несостоятельность разныхъ элементовъ этого правового міросозерцанія. Что касается объясненія нормъ и институтовъ гражд. права съ точки зрѣнія интересовъ той или другой гражд. стороны, то это поверхностная частно-хозяйственная точка зрѣнія, которую слѣдуетъ замѣнить народно-хозяйственной²⁾ Особенно несостоятельно и даже положительно вредной является эта точка зрѣнія частныхъ интересовъ въ области законодательства (политики права). Осложненіе ея процессуальнымъ угломъ зрѣнія еще ухудшаетъ результаты ея примѣненія. Процессъ имѣетъ дѣло съ исключительными, патологическими явленіями правовой жизни; законодательство должно имѣть въ виду главнымъ образомъ гигиеническую точку зрѣнія въ смыслѣ экономическихъ и культурно-этическихъ задачъ. Процессуальная точка зрѣнія, точка зрѣнія судебной практики ведетъ по самой природѣ своей

къ разнымъ правно-политическимъ недоразумѣніямъ и промахамъ¹⁾.

Что касается *теоріи права*, какъ защиты интересовъ, то вообще утилитарныя точки зрѣнія негодны для опредѣленія существа и построения теоріи права (и морали), а теорія „защиты интересовъ“ заключаетъ въ себѣ еще особыя существенныя недостатки (Очерки фил. пр. I, § 10).

Что касается, наконецъ, т. н. „практическаго“, „реалистическаго“ направленія и міросозерцанія вообще, то ученія Геринга и его послѣдователей должны быть вмѣняемы не столько Герингу и новой юриспруденціи вообще, сколько т. ск. общему духу времени. Въ отличіе отъ принципиальныхъ, гуманныхъ и идеальныхъ воззрѣній 18-го вѣка, міровоззрѣніе и направленіе XIX вѣка, особенно второй его половины, будетъ охарактеризовано будущими историками, какъ воплощеніе безпринципности, эгоистическаго и безсердечнаго оппортунизма.

Теорія права, какъ „защиты интересовъ“ или „политики силы“ (какъ Герингъ еще характеризуетъ существо права), въ этомъ смыслѣ представляетъ одинъ изъ многихъ симптомовъ общей болѣзни времени, равнозначной и равноцѣпной, напр., подавленію и преслѣдованію разныхъ побѣжденныхъ народностей внутри государствъ и разнымъ не менѣе позорнымъ побѣдамъ въ международныхъ отношеніяхъ. Явленія китайской и бурской войны, роль государствъ, генераловъ и дипломатовъ въ этихъ дѣлахъ на мѣстѣ избіенія и ограбленія этихъ народностей и дома, въ Европѣ, напр., жестокое оскорбленіе, нанесенное старику Крюгеру, успѣшное оправданіе этого поступка обычными лозунгами „реальной политики“, охраняющей и проводящей реальные интересы государства и чуждой сентиментальности, т. е. обычною теоріей беззащитнаго и безчеловѣчнаго эгоизма—все это явленія по существу однородныя—достойное второй половины XIX столѣтія завершеніе его и кульминаціонный пунктъ его „практическаго“ или „реалистическаго“ направленія.

Сегодня кончится XIX столѣтіе. Придетъ конецъ и духу его. Есть уже симптомы реакціи противъ него и чувствуется близость возрожденія, даже въ областяхъ политики и правовѣдѣнія—областяхъ наиболѣе пропитавшихся ядомъ безпринципнаго оппортунизма и гордящихся лозунгами „практическаго направленія“, „реализма“ и т. п.

Недаромъ въ рѣчахъ учениковъ Бисмарка противопоставляется трезвый политическій „реализмъ“ „сентиментальнымъ“ увлеченіямъ народныхъ массъ. Если эти выраженія, маскирующія существо дѣла, подобно жаргону стыдящихся свѣта дневного профессій, перевести на человѣческой языкъ, то это означаетъ, что въ на-

¹⁾ Ihering, Zweck im Recht I. Kap. VIII.

²⁾ Lehre v. Einkommen, въ особенности т. II, Anhang.

¹⁾ Назв. соч., въ особенности стр. 609 и сл.

родныхъ массахъ пробуждаются и дѣйствуютъ человѣческія чувства и нравственные принципы, но что руководители политики должны не обращать вниманія на эти силы и стремленія и проводить исключительно эгоистическіе интересы и цѣли.

Еще сильна въ профессиональныхъ сферахъ традиція и рутинна, по которой въ политикѣ человѣческія чувства и нравственные принципы признаются лишнимъ „сентиментализмомъ“, и умный политикъ, въ особенности дипломатъ, непременно долженъ быть хоть немножко плутоватымъ; но это своеобразное вѣроученіе получаетъ все болѣе и болѣе характеръ именно профессиональной рутинны безъ смысла и почвы въ психикѣ народной. Оно начинаетъ напоминать подобную же по смыслу своему систему нѣкоторыхъ отсталыхъ купеческихъ сферъ: „не надуешь, не продашь!“; или же не менѣе отсталую систему тѣхъ мало просвѣщенныхъ администраторовъ, которые считаютъ своею задачею по возможности стѣснять; не дозволить, заподозривать и пресѣкать, вообще чинить всякія прѣпятствія и непріятности гражданамъ, подкапывающія ихъ хозяйственную или иную добрую волю и энергію; или же считаютъ всякаго порядочнаго человѣка вреднымъ и опаснымъ, а низменный образъ мыслей и поведения заслугой и признакомъ благонадежности.

Дипломаты и прочіе участники высшей политики люди просвѣщенные и даже по болѣе части высоко образованные, но и въ такихъ сферахъ нерѣдко заводятся формы и шаблоны, на нѣкоторое время переживающіе свои основанія и внутренній смыслъ. И вотъ отношеніе общественнаго мнѣнія человѣчества къ разнымъ проявленіямъ системы „реальной политики“ начинаетъ все болѣе и болѣе превращаться въ *memento mori* для всей этой системы.

Еще болѣе ясны и несомнѣнны признаки поворота въ области общественнаго и правового міросозерцанія. Въ юриспруденціи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ обнаружить приверженность къ идеямъ и завѣтамъ школы естественнаго права или только усумниться въ мудрости практическаго и позитивистическаго ученія было своего рода научно запрещеннымъ дѣяніемъ, и лучшимъ средствомъ скомпрометировать какую либо специальную теорію считалось обнаруженіе ея средства съ естественно-правовыми „предразсудками“, а теперь про нѣмецкую литературу, по крайней мѣрѣ послѣдняго года, можно сказать, что она въ значительной степени возвратилась къ завѣтамъ школы естественнаго права, а во всякомъ случаѣ „*naturrechtlich*“ довольно быстро и внезапно перестало быть компрометирующимъ эпиготомъ. Достаточно было малой научной искры, чтобы вспыхнуло и начало быстро распространяться пламя этого направленія, казавшагося окончательно сданнымъ въ научный архивъ.

Это уже начало конца „практическаго“ и позитивистическаго направленія юриспруденціи, возрѣнія на право съ точки зрѣнія практическихъ дѣльцовъ, теоріи права, какъ политики силы или защиты интересовъ, узкаго процессуальнаго истолкованія матеріальнаго права, и т. п. ученій и теченій и всего того, что съ ними неразрывно связано.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Петражицкій.

Наказуемость открытаго нападенія одной части населенія на другую.

(Ст. 269¹ ул. о нак., 106 ст. проекта угол. ул. въ послѣдней редакціи).

До 1891 г. нашъ уголовный кодексъ не содержалъ нормы, карающей открытое нападеніе одной части населенія на другую.

Преступленія толпы, конечно, бывали, но они разсматривались какъ спеціальныи видъ сопротивленія властямъ, а чаще всего уголовная репрессія замѣнялась тѣми сильными и энергичными средствами администр. воздѣйствія, которыя при всякаго рода „бунтахъ“ считаются у насъ самыми надежными и необходимыми мѣрами пресѣченія и предупрежденія. Въ началѣ 80-хъ годовъ однако вопросъ о преступленіяхъ толпы и объ отношеніи къ нему законодателя выдвинулся впередъ, благодаря еврейскимъ погромамъ, разразившимся въ южной и югозападной Россіи.

Стихійный потокъ народной ярости обрушился на еврейскую часть населенія: бѣшенныя толпы истребляли и расхищали имущество евреевъ, не останавливаясь и предъ насиліями надъ личностью ихъ. Въ разныхъ округахъ къ дѣйствіямъ участниковъ антиеврейскихъ беспорядковъ примѣнялась ст. 1601, то 1621 улож. о нак., то даже просто 38 ст. уст. о нак. Въ виду этого министръ юстиціи, статсъ-секретарь Набоковъ проектировалъ дополнить ст. 38 уст. о нак. постановленіемъ, которое предусматривало беспорядокъ, произведенный толпой народа и сопровождавшійся насиліемъ противъ лицъ, разрушеніемъ или поврежденіемъ чужого движимаго имущества или нападеніемъ на дома. За этотъ проступокъ назначалось по проекту наказаніе отъ 4-хъ мѣсяцевъ до одного года шести мѣсяцевъ тюрьмы. Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ ввести спеціальныи законъ въ кодексъ, но представленныи проектъ былъ отвергнутъ по соображеніямъ двоякаго рода: 1) преступленія толпы, въ родѣ еврейскихъ беспорядковъ, вызываются чувствомъ религіозной и племенной вражды, которая не должна проявляться въ правильномъ обществѣ; поэтому беспорядки такого рода должны быть сближены съ важнѣйшими видами преступленій противъ порядка управленія; 2) опасность подобныхъ беспорядковъ исключаетъ возможность приравнивать ихъ къ простому нарушенію общественной тишины, караемой ст. 38 уст. о нак.

Вслѣдствіе этого министр юстиціи, предварительно войдя въ сношеніе съ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи по составленію уголовного уложенія, представилъ въ Государственный Совѣтъ новый проектъ. Содержаніе его совершенно тождественно съ 82 ст. проекта угол. уложенія. Проектъ статьи получилъ санкцію въ декабрѣ 1891 г. и вошелъ въ уложеніе въ видѣ ст. 269¹. Такимъ образомъ 82 ст. проекта (по послѣднему изд. 1898 г.—ст. 106) посчастливилось: она получила боевое крещеніе практики еще задолго до санкціи проекта, и надо замѣтить, что это испытаніе дало матеріалъ для признанія настоящей редакціи этой статьи неудачной, во всякомъ случаѣ ревизія ея представляется необходимой.

Мысль законодателя при изданіи новаго закона 1891 г. была такова: необходимое условіе правопорядка—мирное сожительство всѣхъ гражданъ государства, къ какимъ бы племеннымъ, религіознымъ и экономическимъ группамъ они не принадлежали. Если въ этихъ группахъ по отношенію другъ къ другу проявляется чувство вражды, злобы—то эти чувства антисоціальны, антигосударственны, и съ ними государство борется. Если чувства эти настолько обостряются, что выливаются въ видѣ насильственныхъ дѣйствій одной соціальной группы противъ другой, то государство выступаетъ съ уголовной репрессіей. Но общепринятые принципы уголовного права объ индивидуальной отвѣтственности оказываются не вполне примѣнимыми къ такого рода преступленіямъ. Преступленіе совершается толпой, каждый индивидъ въ ней представляетъ не активнаго субъекта преступления, а скорѣе „каплю выступившаго изъ береговъ потока“, и репрессія должна имѣть въ виду не виновность того или иного индивида въ дѣйствіяхъ толпы, а опасность всего потока, опасность тѣхъ ключей антисоціальныхъ чувствъ, которыя питають его. Вмѣняемость отдѣльнаго индивида въ такого рода проявленіяхъ стихійной силы толпы—вопросъ, конечно, спорный, если не раздѣлять квазинаучныхъ теорій коллективной психологіи Стеле, Лебона и т. п.; примѣняя общее правило, по которому вмѣняемъ тотъ, кто могъ сознать и предвидѣть результаты своей дѣятельности, придется признать, что въ преступленіяхъ толпы мало найдется преступниковъ, которымъ можно было бы вмѣнить зло, причиненное толпой. Всякое преступленіе толпы—это своего рода сфинксъ: вы видите только внѣшнюю фізіономію его, загадочную, ужасную и безобразную, а тѣ внутренніе мотивы народной психики, которые вызвали эти ужасы—неразрѣшимая загадка часто и для социолога, обнимающаго всю совокупность явленій человѣческаго общежитія. Толпа дѣйствуетъ, охваченная какъ бы однимъ чувствомъ, но почва, на которой выросло это чувство, составляется изъ массы разнообразныхъ и причудливо между собою сплетенныхъ наслоеній: тутъ и переживанія настроеній и чувствованій давно минувшихъ стадій развитія человѣческаго общества, гдѣ то притаившіяся въ глубинѣ современнаго міросозерцанія и внезапно вырвавшіяся на свѣтъ Божій, тутъ и чувства недовольства социальными и экономическими условіями современности, ищущія себѣ выхода, и много другихъ факторовъ, которые вдругъ, подъ влияніемъ какъ бы искры, сплавляются и образуютъ горючую

массу. Самый поводъ къ возникновенію, самая искра а также и направленіе разрушительнаго потока элементы иногда совершенно случайные, а между тѣмъ они именно даютъ внѣшнюю окраску дѣйствію толпы. Если подъ побужденіемъ понимать совокупность всѣхъ мотивовъ, управлявшихъ толпой, то опредѣленіе ихъ причинной связи съ произведенными толпой дѣйствіями—задача необычайно сложная. Правда, именно въ этихъ общихъ побужденіяхъ и заключается опасность преступленій толпы, опасность ихъ распространенія по всей территоріи даннаго государства, заразительности ихъ. Констатировать наличность такихъ побужденій можно *à priori*, но опредѣлить, какія являлись движущими силами, въ данномъ случаѣ, невозможно. Становишься иногда втупикъ, въ какой нелѣпой оболочкѣ проявляются эти побужденія: нагмоню только удивительный по силѣ художественной правды рассказъ Глѣба Успенскаго о причинахъ еврейскихъ беспорядковъ въ Баку.

Мы останавливались такъ долго на побужденіяхъ потому, что криминалистъ, создавая норму, карающую преступленіе толпы, долженъ считаться съ этимъ факторомъ и такъ или иначе отнестись къ нему. И отношеніе, по нашему мнѣнію, можетъ быть только одно: уголовный законъ, давая точные признаки преступнаго дѣянія, совокупность которыхъ образуетъ какъ бы программу изслѣдованія каждаго конкретнаго случая, не можетъ вводить въ эту схему перечисленіе побужденій преступной толпы и требовать констатированія того, какое побужденіе изъ перечисленныхъ имѣло мѣсто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. При преступленіяхъ толпы объективные признаки, которые можно констатировать средствами судебнаго изслѣдованія, сводятся обязательно 1) къ наличности толпы, т. е. такого соединенія людей, къ которому можетъ присоединиться каждый желающій, 2) къ наличности насильственныхъ дѣйствій надъ личностью и имуществомъ. Кромѣ того, если законодатель желаетъ выдѣлить наиболѣе грозящія общественной безопасности преступленія толпы, то вводятся признаки, указывающіе на моментъ опасности, признаки, конечно, объективнаго характера. Такъ напр., степень опасности можетъ быть опредѣлена тѣмъ, что однородныя преступленія вспыхнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ; тѣмъ, что нападеніе направлялось противъ гражданъ опредѣленной соціальной группы. Все это такіе признаки, которые входятъ въ самый фактической составъ преступнаго дѣянія, откуда и могутъ быть извлечены. На этой именно почвѣ и стоятъ западноевропейскіе кодексы, къ которымъ во всѣхъ другихъ случаяхъ редакціонная комиссія относится такъ внимательно. Къ сожалѣнію, только на этотъ разъ она отступила отъ своего добраго правила и создала редакцію статьи, предусматривающей разбираемыя преступленія, въ такой формѣ, которая составитъ несомнѣнно оригинальную и самобытную черту русскаго уголовного кодекса, и далеко не къ преимуществу его. Разсмотримъ, напр., относящіяся сюда постановленія герм. уголовного улож.: §§ 124, 125 наказываютъ всякаго, кто участвуетъ въ публичномъ скопищѣ, произведемъ соединенными силами насилія надъ вещами и людьми (*Landesfriedenbruch*)

или вторгшемся въ чужое жилище (Hausfriedensbruch). Совершенно аналогичное содержаніе заключаетъ 141 ст. Нидерландск. улож. Такимъ образомъ, эти кодексы моментъ опасности только указываютъ (въ нѣмецкомъ текстѣ § 125—„wegen Landsfriedensbruches“), предоставляя суду ближе опредѣлять степень ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Венгерское уголовн. уложеніе наряду съ §§ 175, 176, предусматривающими учиненіе скопищемъ насильственныхъ дѣйствій надъ людьми и вещами, въ § 155 выдвигаетъ наиболѣе тяжелый видъ этихъ преступленій—„нападеніе скопища на отдѣльные классы населенія, національности или религіозныя единенія гражданъ“. Бельгійскій и французскій кодексы (Code belge art. 125, Code pénal—91) наряду съ гражданской войной наказываютъ посягательства толпы, „имѣющія цѣлью ввести порромъ, рѣзню или грабежъ (dévastation, massacre, pillage) въ одну или нѣсколько общинъ“. Редакціонная комиссія въ ст. 269¹ нынѣ дѣйствующаго уложенія (ст. 82 пр.) въ общемъ повторила положенія западныхъ законодательствъ, но съ отступленіями. Составъ преступленія ст. 269¹ таковъ: субъектомъ является всякій, кто сознательно принялъ участіе въ скопищѣ, произведшемъ безпорядки; скопище должно быть публичное, т. е. такое, къ которому можетъ присоединиться, по условіямъ времени и мѣста, каждый желающій; дѣйствія скопища должны выразиться въ насиліи надъ личностью, въ похищеніи либо поврежденіи чужого имущества, или во вторженіи въ чужое жилище. А вотъ теперь идетъ самобытная черта нашего закона: всѣ эти дѣйствія должны быть совершены „въ слѣдствіе побужденій, происшедшихъ изъ вражды религіозной, племенной или сословной, или изъ экономическихъ отношеній“. „Всѣ дѣйствія, перечисленныя въ ст. 82 пр. (269¹ ул. о н.),“ читаемъ мы въ проектѣ (объяснительн. записка т. II), „должны быть совершены изъ указанныхъ въ законѣ побужденій; только ихъ наличность придаетъ этимъ дѣяніямъ тотъ особый оттѣнокъ, благодаря которому учиненіе ихъ относится къ посягательствамъ противъ порядка управленія“. „Наличность такихъ побужденій должна быть установлена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но при этомъ, конечно, нѣтъ необходимости доказывать, что эти стремленія воодушевляли каждаго члена скопища въ отдѣльности. Достаточно, если они имѣли общій, такъ сказать, гуртовой характеръ, придававшій всей толпѣ извѣстную окраску“. Итакъ, общественность преступныхъ дѣяній должна устанавливаться побужденіями толпы, при чемъ законодатель имѣетъ въ виду то общее чувство, которое движетъ толпу. Мы уже указывали выше, насколько трудно и социологу разобраться во всѣхъ тѣхъ наслоеніяхъ, изъ которыхъ образуется это чувство. А криминалисту прежде всего ограниченъ ужъ рамками того случая, который подлежитъ его изслѣдованію. Далѣе, криминалисту имѣетъ дѣло съ волевымъ актомъ, тогда, когда онъ уже выразился въ дѣйствіи или, по крайней мѣрѣ, въ намѣреніи. Побужденіе же *) есть только первичная сила волевого акта; только

тогда, когда это первоначальное чувство сочетается съ представленіемъ о цѣли и о средствахъ, мы имѣемъ намѣреніе и наконецъ исполненіе. Поэтому то въ уголовныхъ законахъ, имѣющихъ въ виду главнымъ образомъ дѣйствія, никогда не говорится о побужденіяхъ, а всегда о намѣреніи и цѣли субъекта преступленія.

Въ области побужденій, послѣ которыхъ до рѣшенія и намѣренія возможны колебанія и обдумыванія, нельзя искать признаковъ преступнаго дѣянія, ибо это область неопредѣленныхъ наклонностей и влеченій. Если мы поставимъ тяжесть того или иного преступнаго дѣянія въ зависимость не отъ объективныхъ признаковъ, которые отразились въ самомъ дѣяніи, а отъ общихъ влеченій и наклонностей субъекта, то мы неизбежно придемъ къ тому, что и при индивидуальномъ преступленіи надо будетъ искать то *penchant au crime*, за которымъ такъ тщетно гонялись представители итальянской школы; а при коллективныхъ преступленіяхъ перечислять въ законѣ побужденія—значитъ предвѣщать требованія объ опредѣленіи антисоціальныхъ наклонностей толпы. Все это имѣетъ далеко не одно теоретическое значеніе.

И практика, несмотря на непродолжительность ея, указала на громадные неудобства новаго закона въ той редакціи, въ какой онъ появился. Прежде всего списокъ общепасныхъ побужденій оказался очень скоро недостаточнымъ. Въ 1891 г. комиссія считала такими побужденіями: вражду племенную, религіозную и непріязненные чувства, вызываемыя экономическими условіями общежитія. Въ 1894 г. на Волгѣ вспыхнули холерные безпорядки, и если бы общимъ судамъ пришлось искать побужденій бунтовавшей толпы въ списокѣ ст. 82, то ихъ не оказалось бы; правда, общія судебн. мѣста не испытали затрудненій, такъ какъ участники этихъ безпорядковъ были преданы суду военному, но все же „комиссія сочла правильнымъ распространить дѣйствіе ст. 82 и на скопища, дѣйствующія подъ вліяніемъ различнаго рода болѣе или менѣе нелѣпныхъ слуховъ или вымысловъ, на скопища, учинившія холерные безпорядки“, и въ редакцію проекта 1895 г. (также и 1898 г.) введена прибавка: въ слѣдствіе побужденій, происшедшихъ изъ вражды религіозной, племенной... и т. д... или изъ нарушающихъ общественное спокойствіе слуховъ. Прибавка эта весьма характерна: побужденіе, вытекающее изъ нарушающихъ общественное спокойствіе слуховъ—это столь широкое понятіе, что оно можетъ замѣнить всѣ предшествующія побужденія; при всякомъ преступленіи толпы на лицо имѣются разные нелѣпные слухи, они часто служатъ поводомъ, той искрой, которая зажигаетъ народныя страсти. Но нельзя же характеризовать однородное явленіе сначала по признаку причинъ, настолько глубоко скрытыхъ иногда въ глубинѣ явленія, что ихъ нельзя извлечь отсюда—таковы побужденія племенной, религіозной, сословной вражды и чувства недовольства существующими экономическими отношеніями, а потомъ для характеристики того же явленія взять случайный признакъ, поводъ явленія, скользящій по поверхности его и ничего въ сущности не опредѣляющій. Кстати замѣтимъ, что ст. 269¹ улож. этой прибавкой не дополнена.

Обращаемся къ отдѣльнымъ случаямъ, на которыхъ

*) Гейдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ стр. 347.

мы убѣдимся, какія затрудненія и даже явныя несправедливости вызываютъ выраженія закона о „побужденіяхъ“.

Когда редакціонная коммисія вносила въ законъ побужденія, вытекающія изъ племенной, религіозной или сословной вражды, передъ глазами ея стояли еврейскіе погромы. Тутъ не трудно было констатировать, что они вызваны чувствами племенной и религіозной вражды. И дѣйствительно, въ этихъ народныхъ движеніяхъ подобныя побужденія можно было признать чисто лубочнымъ способомъ: кричали „бей жидовъ“, били только жидовъ, христіанъ щадили — слѣдовательно какія тутъ еще соціологическія изслѣдованія?

Для криминалистовъ достаточно и этихъ признаковъ, чтобы сдѣлать выводъ о побужденіяхъ толпы. Да, пожалуй, и достаточно на этотъ разъ, именно потому, что на лицо были рѣзко обозначенные объективные признаки и поэтому мы довольствуемся этимъ сравнительно грубымъ анализомъ. Но вотъ процессъ, который былъ недавно и въ которомъ, именно вслѣдствіе признанія побужденія племенной вражды, была применѣна ст. 269¹.

Имѣю въ виду т. н. Шкловское дѣло, которое нашимъ читателямъ извѣстно. На базарной площади между солдатомъ и торговкой еврейкой возникаетъ ссора, переходящая въ драку. Солдату помогаютъ прибѣжавшіе товарищи, еврейкѣ ея соплеменники; драка, какъ водится, дѣлается общей.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетахъ сообщалось о грандіознѣйшей дракѣ въ Костромѣ между солдатами и мѣщанами; поводы къ ней, участвовавшія лица, ходъ ея поразительно совпадали въ деталяхъ съ той картиной, которую дало шкловское дѣло. Но то было въ Костромѣ, гдѣ невозможно было заподозрить племенную ненависть между солдатами и мѣщанами, а не въ Шкловѣ, гдѣ сразу была поставлена презумпція племенной и религіозной вражды. Никакихъ объективныхъ признаковъ, кромѣ того, что шкловскіе мѣщане были евреями, а солдаты — христіанами, въ самомъ дѣяніи не было.

Лубочныхъ признаковъ въ родѣ криковъ: бей христіанъ или же въ родѣ того, чтобы еврей нападали силою на христіанъ, а не только на дравшихся солдатъ, тоже извлечь нельзя было изъ обстоятельствъ даннаго дѣла. Но разъ законъ требуетъ констатированія побужденія, т. е. извѣстной наклонности массы къ совершенно подобнымъ дѣяніямъ, то и не зачѣмъ стѣсняться рамками даннаго дѣла. Вѣдь наклонность можетъ проявиться и во многомъ другомъ. По шкловскому дѣлу и было произведено цѣлое соціологическое изслѣдованіе, которое дало въ результатъ нѣсколько истинъ: еврей вообще питаютъ вражду къ христіанамъ; шкловскіе еврей, какъ видно изъ многихъ случаевъ, дознанныхъ полиціей и имѣвшихъ мѣсто до драки, обнаруживали вообще спеціально религіозную вражду къ христіанамъ. Для подтвержденія фактовъ, на основаніи которыхъ были установлены эти истины, вызывались судомъ свидѣтели, защита вызывала свидѣтелей, которые эти факты опровергали; однимъ словомъ, судебная палата устанавливала черты народной психики и въ окончательномъ результатѣ „объявила г. Шкловъ неблагополучнымъ по части племенной и рели-

гіозной вражды“. Затѣмъ уже изъ этого положенія путемъ чисто логической операціи было выведено, что и въ данномъ случаѣ на лицо были побужденія, ст. 269¹ предусмотрѣнныя. Что же, скажутъ намъ, что тутъ плохого, если судъ на основаніи безпристрастныхъ данныхъ и отмѣтитъ ту или иную антисоціальную черту психики какойнибудь этнографической или соціальной группы? Но прежде всего это выходитъ не только за предѣлы судебной дѣятельности, но и задача такая совершенно не по силамъ не только урядникамъ и приставамъ, доставившимъ главный матеріалъ для коллективной психологии въ шкловскомъ дѣлѣ, но даже и образованнѣйшимъ юристамъ. А между тѣмъ всякій приговоръ, подчеркивающей, что данной группѣ присущи антисоціальныя наклонности племенной, религіозной или сословной вражды, не можетъ не имѣть серьезныхъ послѣдствій и во всякомъ случаѣ не будетъ содѣйствовать мирному сожитію всѣхъ гражданъ, къ чему стремится законъ. Но, могутъ возразить, самъ по себѣ уголовный законъ, въ которомъ осуждаются антисоціальныя чувства, имѣетъ своего рода воспитательное значеніе: онъ указываетъ, что такихъ чувствъ питать нельзя, что имъ нѣтъ мѣста въ правильномъ общежитіи. Намъ кажется, что эти воспитательныя цѣли государство можетъ воплотить и не въ уголовныхъ нормахъ: положительное законодательство, выступая въ роли педагога, обучающаго гражданъ взаимному уваженію ихъ національныхъ, религіозныхъ, сословныхъ особенностей, должно прежде всего само отказаться отъ дѣленія гражданъ на группы съ большими или меньшими правами, смотря по тому, къ какой національности или религіозному союзу они принадлежатъ.

Обращаясь ко второй категоріи побужденій, проптекающихъ изъ экономическихъ отношеній. Прежде всего, редакція этой части закона неясна, опять таки вслѣдствіе неправильнаго употребленія слова „побужденіе“. При побужденіяхъ первой категоріи совершенно, по крайней мѣрѣ, ясно, что законъ отождествляетъ ихъ со стихійными проявленіями чувства вражды племенной, религіозной и сословной. А какого же рода то побужденіе, которое вытекаетъ изъ экономическихъ отношеній? Желаніе доставить себѣ выгоду? чувство вражды неимущихъ къ имущимъ? чувство недовольства общими экономическими условіями общежитія? Текстъ закона на эти вопросы не даетъ отвѣта; приходится прибѣгнуть къ толкованію. Побужденія (пронтекающія изъ экономическихъ отношеній) стоятъ рядомъ съ побужденіями племенной, религіозной и сословной вражды. Послѣднія побужденія, какъ мы выше видѣли, носятъ по мысли законодателя общій характеръ; нападенія при наличности ихъ направляются не на то или иное опредѣленное лицо, а на всю этнографическую, религіозную или сословную группу. Если толпа обрушивается на домъ и личность, положимъ, А., В., С., то въ сущности толпѣ эти лица ненавистны не какъ таковыя, а какъ представители той или иной религіозной группы. Примѣняя эти разсужденія къ опредѣленію того, что хотѣлъ сказать законодатель выраженіемъ „побужденія, изъ экономическихъ отношеній вытекающія“, мы приходимъ къ заключенію, что тутъ имѣется въ виду то

чувство неприязни, которое возникает вследствие общих экономических условий общежития двух социальных групп с разными экономическими интересами, причем когда взрывъ этого неудовольствия вырвется наружу, то онъ не направляется на то или иное лицо, а на всю группу лицъ, составляющихъ противоположный его интересамъ экономической классъ, и въ этомъ взрывѣ отражается недовольство общими экономическими условиями общежития. Это толкованіе соответствуетъ какъ общему смыслу ст. 82 пр., такъ и объясненіямъ редакціонной комиссіи: „побужденія придаютъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ закономъ 1891 г., политической отгѣнокъ“, говоритъ объяснительная записка, „побудительными причинами массовыхъ движеній могутъ быть экономическія условия, въ особенности, столкновенія капиталистовъ и рабочихъ. Такимъ образомъ, подъ дѣйствіемъ 1 п. ст. 82 могутъ быть подведены такъ часто повторявшіяся въ послѣднее время прискорбные еврейскіе погромы, беспорядки, происходившіе при забастовкахъ рабочихъ и т. п.“. Примѣръ, приведенный комиссіей, вполне соответствуетъ данному нами толкованію: чувство рабочихъ, недовольныхъ общими условиями своего труда, чувство групповое, и если чувство это выливается въ видѣ погрома фабрикъ и заводовъ, то насильственные дѣйствія рабочихъ направлены не противъ владѣльца фабрики Иванова, а противъ фабриканта вообще. Поэтому, если мы имѣемъ фабричные беспорядки, вызванные совершенно индивидуальнымъ поступкомъ фабриканта Иванова, то хотя бы дѣйствія Иванова стояли въ связи съ экономическими отношеніями, существующими между нимъ и его рабочими, мы все таки не будемъ имѣть преступленія толпы, предусмотрѣннаго ст. 82 ст. проекта. Это толкованіе, между прочимъ, находитъ себѣ еще опору въ томъ, что во внесенномъ въ 1891 г. въ Государственный Совѣтъ проектѣ закона вмѣсто словъ: „побужденія, изъ экономическихъ отношеній вытекающія“—стояло выраженіе „побужденія, изъ экономическихъ условий общежитія вытекающія“; послѣднее выраженіе отгѣняло *общій* характеръ тѣхъ экономическихъ условий, которые могутъ вызывать массовыя движенія. Но и при такой редакціи примѣненіе ст. 269¹ представляетъ большія трудности. Крестьяне какой-нибудь одной или даже нѣсколькихъ деревень, положимъ, производятъ скопомъ насиліе надъ служащими помѣщичьей экономіи, препятствующими имъ нарушать имущественныя права помѣщика. Имѣется ли налицо 269¹ или нѣтъ—зависитъ отъ того, направлены ли насильственные дѣйствія крестьянъ на пріобрѣтеніе себѣ имущественныхъ выгодъ отъ даннаго помѣщика или же эти насильственные дѣйствія выражаютъ какъ бы отрицаніе за помѣщиками вообще права имѣть сервитуты на крестьянской землѣ, владѣть землей и т. д. Во многихъ случаяхъ даже по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла никакъ нельзя уловить этого отгѣнка, такъ какъ объективныхъ признаковъ нѣтъ. Только иногда цѣль, которою руководствуется толпа при совершеніи насилія, даетъ указанія, что къ данному случаю непримѣнима 269¹, это бываетъ именно тогда, когда толпа обрушивается противъ лицъ, нарушающихъ ея права, дѣйствительныя или предполагаемыя. Такая цѣль, охрана своего права противъ лицъ, посягающихъ на него, ясно го-

воритъ что побужденія участниковъ толпы не имѣютъ общаго характера тѣхъ побужденій, о которыхъ говорить 269¹, потому что они вызваны не общими экономическими условиями, а поведеніемъ тѣхъ опредѣленныхъ лицъ, противъ которыхъ направляются насильственные дѣйствія толпы.

Развитый нами взглядъ на значеніе экономическихъ побужденій вообще, а равно и та единственная опора въ видѣ законности цѣли, которую мы только что указали, совершенно не соответствуютъ взгляду, высказанному Сенатомъ въ рѣшеніи по д. Слогоды (№ 26 1899 г.). Разясненіе, пока единственное руководящее по дѣламъ подобнаго рода, вноситъ въ квалификацію ихъ еще большую путаницу, затемняя и безъ того неясный смыслъ и нерациональную редакцію ст. 269¹. Фактическая сторона дѣла, вызвавшая это рѣшеніе, соответствуетъ той схемѣ, которую мы дали выше для того случая, когда дѣйствія толпы имѣютъ своей цѣлью охрану права, принадлежащаго участникамъ этой толпы. Крестьяне села Завшицъ въ количествѣ 100 человекъ напали на помѣщика Прошинскаго, нанесли ему побои, избили его и управляющаго и прогнали силой рабочихъ, которые распахивали урочище. Какъ выяснилось потомъ, Прошинскій не имѣлъ права распахивать это урочище, ибо крестьяне села Завшицъ имѣли въ этомъ урочищѣ пастбищный сервитутъ. Виленская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей квалифицировала дѣяніе крестьянъ, участниковъ скопища, 269¹, вопреки особымъ мнѣніямъ трехъ членовъ коронной келлегіи, которые видѣли въ дѣяніяхъ крестьянъ преступленіе, предусмотр. ст. 1480, 2 ч. 1483 ул. о нак. и 142 ст. уст. о нак. Правительствующему Сенату пришлось, по кас. жалобѣ подсудимыхъ, рѣшать прежде всего вопросъ такого рода; если побужденіе, вытекающее изъ экономическихъ отношеній, состоитъ въ охранѣ принадлежащаго участникамъ толпы права, то можетъ ли такого рода побужденіе быть отнесено къ роду тѣхъ, о которыхъ говоритъ ст. 269¹? Мы видѣли выше, какой единственный отвѣтъ можно дать на этотъ вопросъ по общему смыслу всей статьи 269¹. Сенатъ высказалъ противоположный взглядъ: „цѣль охраны какого либо права не исключаетъ побужденій, возникшихъ на почвѣ экономическихъ отношеній“, о коихъ говоритъ ст. 269¹. Сенатъ, къ сожалѣнію, не разясняетъ, какая разница между побужденіями толпы, насильственными дѣйствіями охраняющей свои законныя права, и побужденіями, направленными на незаконную цѣль. Разница несомнѣнно есть. Вышеприведенный выводъ Сенатъ подтверждаетъ психологическими соображеніями такого рода: побужденіе означаетъ тотъ субъективный поводъ, которымъ члены толпы собраны въ скопище, причемъ самъ законъ указываетъ почву, на которой такія побужденія развиваются. „Побужденіе, опираясь на прошлое, отличается отъ цѣли, преслѣдуемой въ будущемъ; но къ побужденію можетъ присоединяться *всякая* цѣль, не исключая цѣли защиты права, дѣйствительнаго или предполагаемаго“. Съ точки зрѣнія психологій, это положеніе довольно рискованное: побужденіе и мотивъ, по мнѣнію Сената, понятія тождественныя; если это такъ,

то совершенно непонятно, какъ изъ мотива можно вылучить элементъ цѣли: вѣдь въ мотивѣ основной элементъ—это чувство ¹⁾, возбужденное представленіемъ о цѣли. А съ точки зрѣнія уголовного права, мы уже указывали выше, можно ли вводить въ составъ преступления мотивы, не соединяя ихъ съ объективными признаками цѣли? По толкованію Сената мы получаемъ преступленіе съ такимъ составомъ: незаконный мотивъ плюсъ законная цѣль. Это что-то непостижимое, особенно если не указывается, въ чемъ кроются признаки незаконности мотива. Если принять толкованіе Сената, то въ сущности специфичность ст. 269¹, когда на лицо имѣются побужденія, изъ экономическихъ отношеній вытекающія, совершенно исчезаетъ. Всякое самоуправство, насиліе, связанныя съ имущественными интересами, разъ они совершаются скопомъ, перестаютъ караться по 142 ст. уст. о нак., и образуютъ составъ 269¹ ст. улож.: ибо по мнѣнію Сената общій характеръ побужденій достаточно устанавливается тѣмъ фактомъ, что они сумѣли сплотить толпу, а цѣль въ такомъ случаѣ не имѣетъ значенія. Не знаемъ, какъ встрѣтить это упраздненіе ст. 142 уст. о нак. практика. Весьма еще недавно (нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ²⁾) на разсмотрѣніе Сената восходило дѣло по кассационной жалобѣ крестьянъ д. Новосельцы, обвиненныхъ въ самоуправствѣ и насиліи по 142 ст. Обстоятельства дѣла весьма сходны съ дѣломъ Слогоды: крестьяне полагали, что они имѣютъ право пастбища на землѣ графа Гжицкаго, и нѣсколько дней подрядъ выгоняли туда своихъ лошадей. Когда служащіе экономіи хотѣли загнать этихъ лошадей, то крестьяне вооруженные кольями, собравшись толпой человекъ въ 100, набросались на рабочихъ Гжицкаго, нѣкоторыхъ побили, а другихъ прогнали. Мировой судья квалифицировалъ всѣ эти дѣянія 38, 31, 148, 142 и 16 ст. уст. о нак., а сѣздъ въ измѣненіе приговора только ст. 142 улож. о нак. Интересно въ этомъ дѣлѣ то, что ни у полиціи (она производила дознаніе), ни у мирового судьи, ни въ сѣздѣ даже не мелькнуло мысли, что эти дѣянія могутъ быть подведены подъ 269¹ ст. уст. о нак. Въ Сенатъ дѣло передано было тоже только для толкованія ст. 142, 148 и 151 уст. о нак.

А между тѣмъ, если принять взглядъ, высказанный въ рѣшеніи по д. Слогоды, то дѣяствія крестьянъ несомнѣнно подходятъ подъ 269¹: тутъ и толпа, и мотивъ, основанный на экономическихъ отношеніяхъ, такой силы, что онъ собралъ толпу и вызвалъ насильственную дѣяствія. Это свидѣтельствуешь, какую неопредѣленность, и неопредѣленность опасную, вносятъ рѣшеніе по д. Слогоды. Все зависить отъ случая, отъ тенденціи властей и прокуратуры, въ руки которыхъ попадаетъ дѣло. Какъ мы выше видѣли, ошибочность рѣшенія по д. Слогоды въ сущности логически вытекаетъ изъ полной неопредѣленности текста закона и служитъ только лишнимъ доказательствомъ того, что въ нынѣшней своей редакціи ст. 106 проекта 1898 г. (82 проекта 1895) остаться не можетъ. Необходимо прежде всего исключить, какъ признакъ преступнаго дѣянія толпы, понятіе

„побужденіе“. Чѣмъ замѣнить его? На этотъ вопросъ, кажется намъ, вполне удовлетворительный отвѣтъ даютъ западноевропейскіе кодексы, постановленія которыхъ приведены нами выше.

М. Пшолитовъ.

Къ вопросу о законномъ составѣ земскихъ собраний.

При дѣйствіи полож. о земск. учред. 1 января 1864 года, какъ уѣздныя, такъ и губернскія земскія собранія, состояли почти исключительно изъ земскихъ гласныхъ, — лицъ, избранныхъ мѣстнымъ населеніемъ въ установленномъ *этимъ положеніемъ* порядкѣ. Результатъ избирательнаго процесса составлялъ основу ихъ полномочій на то представительство интересовъ этого населенія, которое служить реальнымъ выраженіемъ идеи самоуправления.

Количество лицъ, входившихъ въ составъ земскихъ собраний не по избранію на земскихъ же избирательныхъ сѣздахъ, а въ силу занятія ими извѣстныхъ должностей, было весьма ограничено; это были—предводитель дворянства, которому принадлежитъ председательство въ собраніи, хотя бы онъ и не состоялъ въ числѣ гласныхъ, и представители управленій государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Положеніемъ 1864 г. этимъ представителямъ казны и удѣловъ присвоивалось, въ отличіе отъ гласныхъ, особое наименованіе, — „членовъ отъ вѣдомствъ“ (ст. ст. 40, 41 и 55).

Для законности состава земскаго собранія статью 42 положенія требовалось присутствіе въ его засѣданіи не менѣе третьей части „гласныхъ, собраніе составляющихъ“.

Со стороны Правительствующаго Сената послѣдовали два разъясненія этой статьи. Въ одномъ изъ нихъ говорится, что подъ числомъ гласныхъ, составляющихъ собраніе, слѣдуетъ подразумѣвать не то количество ихъ, какое установлено для даннаго собранія вѣдомствомъ, составляющею приложение къ ст. 33, а то, какое въ дѣйствительности избрано на избирательныхъ сѣздахъ (ук. 5 ноября 1871 г.), въ другомъ—что, при разрѣшеніи вопроса о законности состава собранія, представителей казны и удѣловъ слѣдуетъ включать въ общій счетъ явившихся въ засѣданіе гласныхъ (опредѣл. 9 ноября 1883 г.).

Останавливаясь на второмъ изъ приведенныхъ рѣшеній, нельзя, повидимому, не признать, что оно не согласовано съ ст. 40 полож. 1864 г., въ которой говорилось, что представители вѣдомствъ назначаются къ участию въ собраніяхъ „*независимо* отъ избранныхъ гласныхъ“. Едва ли возможно какое либо сомнѣніе въ томъ, что употребленное здѣсь выраженіе „независимо“ совершенно тождественно по смыслу выраженіямъ „сверхъ“ и „кромѣ“, вошедшимъ въ ст. ст. 56 и 57 полож. 1890 года. Однако съ практической точки зрѣнія, такое или другое рѣшеніе этого вопроса Сенатомъ представлялось безразличнымъ, незатрогивающимъ никакихъ реальныхъ интересовъ, такъ какъ оно почти совершенно не вліяло на рѣшеніе, въ частныхъ случаяхъ, вопроса о комплектности уѣзднаго или губернскаго собранія, по незначительному количеству такихъ лицъ.

Со введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1890 года вопросъ этотъ по отношенію къ уѣзднымъ земскимъ

¹⁾ Вундтъ. Очеркъ психологіи стр. 126.

²⁾ См. Право № 44.

собраниям сохранилъ почти то же ограниченное значение: хотя численный состав гласных этих собраний, въ большинствѣ случаевъ, нѣсколько и уменьшился, но число лицъ, участвующихъ въ нихъ не по избирательному праву, увеличилось лишь депутатомъ отъ духовнаго вѣдомства. Но въ составъ губернскихъ собраний, подвергшійся чувствительному сокращенію, включено такое значительное число членовъ не по избранію уѣздныхъ собраний (все уѣздные предводители дворянства, а въ послѣднее время, по закону 6 декабря 1899 года, и все предводители уѣздныхъ управъ), что по отношенію къ этимъ, губернскимъ, собраниямъ разсматриваемый вопросъ приобретаетъ гораздо большее практическое значеніе.

Намъ неизвѣстно, насколько составителями положенія 1890 года принималась во вниманіе практика Правительствующаго Сената по разъясненію различныхъ статей положенія 1864 года; но мы склонны думать, что они не могли обойти ее своимъ вниманіемъ, такъ какъ эта практика могла дать указанія на необходимость усовершенствованія, по меньшей мѣрѣ, редакціи тѣхъ статей положенія 1864 года, которыя подлежали включенію и въ новое его изданіе. Еще менѣе возможно сомнѣніе въ томъ, что каждое слово статьи, подлежащей такому включенію, тщательно взвѣшивалось съ точки зрѣнія его соответствія цѣли и духу принятаго пересмотра положенія.

Что же мы видимъ въ отношеніи редакціи ст. 42 полож. 1864 года? Какому измѣненію подверглась она при переименованіи ея въ ст. 84 новаго положенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующее сопоставленіе текстовъ этихъ статей.

Ст. 42. Для законнаго состава засѣданій земскаго собранія требуется присутствіе не менѣе третьей части всего числа *гласныхъ*, собраніе составляющихъ, и во всякомъ случаѣ не менѣе десяти...

Ст. 74. Для законнаго состава засѣданій земск. собранія требуется присутствіе не менѣе половины числа *гласныхъ*, *опредѣленнаго для него росписаніемъ*, приложеннымъ къ ст. 14. Если установленное росписаніемъ число гласныхъ не достигаетъ двадцати, то въ засѣданіи, во всякомъ случаѣ, должно присутствовать по крайней мѣрѣ десять *гласныхъ*.

При такомъ сопоставленіи мы видимъ, что требованіе 74 ст. полож. 1890 г. относительно комплекта гласныхъ, обусловливающаго состоятельность собраний, значительно повышено противъ требованія ст. 42 пол. 1864 года: установлена необходимость наличности уже не одной трети *гласныхъ* (по объясненію Правит. Сената—лишь *фактически избранныхъ*), а „не менѣе половины числа гласныхъ, *опредѣленнаго для онаго* (собранія) *росписаніемъ*“. Последнее выраженіе, замѣнившее собою выраженіе „собраніе составляющихъ“, безъ сомнѣнія, является не только болѣе точнымъ, но и совершенно недопускающимъ разнорѣчивыхъ толкованій. Къ тому же со введеніемъ въ текстъ ст. 74 указанія на росписаніе, вопросъ о томъ, было ли избрано на избирательныхъ сѣздахъ (по тер-

минологіи, принятой новымъ положеніемъ,—собраніяхъ) положенное количество гласныхъ или меньшее положеннаго, совершенно утрачиваетъ значеніе. Такимъ образомъ, если предположить случай избранія избирательными собраниями по какому нибудь уѣзду всего лишь двадцати гласныхъ, вмѣсто тридцати, то, въ виду яснаго смысла ст. 74, нельзя допустить другого толкованія, кромѣ того, что для состоятельности земскаго собранія этого уѣзда требуется наличность пятнадцати гласныхъ, что составляетъ уже три четверти дѣйствительно избраннаго числа ихъ. Включеніе въ ст. 74 ссылки на росписаніе служитъ прямымъ указаніемъ на то, что составители положенія 1890 года имѣли въ виду взглядъ, высказанный Правит. Сенатомъ въ рѣшеніи отъ 5 ноября 1871 года, и не раздѣлили его. Слѣд., рѣшеніе это должно считаться, со введеніемъ новаго положенія, утратившимъ свое значеніе.

Если бы при составленіи положенія 1900 года, признавалось нужнымъ обусловить состоятельность собраний наличностью половины не только гласныхъ, но и всѣхъ другихъ лицъ, введенныхъ въ составъ собраний, то въ статьѣ 74 не трудно было бы замѣнить слово „гласныхъ“ выраженіемъ „членовъ собранія“; небольшую трудность представляло и включеніе въ приложенное къ ст. 14 росписаніе не только гласныхъ, но и всѣхъ вообще членовъ cadaго собранія. Однако, этого не сдѣлано и не имѣется никакихъ основаній къ предположенію, чтобы это неупоминаніе о другихъ членахъ собраний, кромѣ гласныхъ, какъ въ ст. 74, такъ и въ росписаніи, являлось результатомъ простого недосмотра.

Несмотря на все это, Правит. Сенатъ, какъ видно изъ указа его отъ 1 іюня 1899 г. за № 5826¹⁾, остался при мнѣніи, высказанномъ имъ при дѣйствіи стараго полож. о земск. учрежд. и, по внесенному на его разсмотрѣніе вопросу, вновь призналъ, что въ счетъ половины числа *гласныхъ*, требуемой закономъ для признанія состоятельности собранія, должны идти все вообще лица, являющіяся, по статьямъ 14 и 57 новаго положенія, членами собраний.

Соображенія, приведенныя Сенатомъ въ основаніе этого взгляда, таковы. 1) Точный смыслъ ст. 74 опредѣляетъ только число *членовъ* (?) земскаго собранія, необходимое для признанія законности его состава; 2) изъ сопоставленія (?) этой статьи со ст. 14 и 57 нельзя не прійти къ заключенію, что для законности состава *уѣздныхъ* собраний требуется не менѣе половины указаннаго въ росписаніи числа *вообще лицъ* (?), которыя по ст. 14 и 57 являются членами сихъ собраний; 3) такъ какъ, по ст. 75, дѣла въ земскихъ собраніяхъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, при чемъ для голосовъ лицъ, указанныхъ въ ст. 57, никакого исключенія не сдѣлано, то голоса ихъ, если принадлежать къ группѣ большинства, такъ же образуютъ постановленіе земскаго собранія, какъ и голоса гласныхъ, и 4) „при такомъ положеніи дѣла,—заключаетъ Правит. Сенатъ,—*само собою разумѣется*, что и законность засѣданій уѣзднаго собранія должна обуславливаться присутствіемъ въ нихъ не менѣе установленнаго закономъ *числа лицъ*, имѣ-

1) См. ниже, въ судебно-администр. практикѣ.

См. также указъ Сената напечатанный въ № 3 Права за 1898 г., и комментарий къ нему.

ющих право решающего голоса, т. е. лицъ, о коихъ говорится въ ст. ст. 14 и 57. Съ другой стороны, если допустить, что лица, упомянутыя въ ст. 57, не должны быть принимаемы въ счетъ при опредѣленіи законнаго состава собранія, то неизбежно пришлось бы допустить и возможность такихъ его постановленій, которыя, хотя и состоялись совершенно законнымъ порядкомъ, т. е. на основаніи мнѣній большинства членовъ собранія (ст. 75), но въ то же время въ этомъ, обуславливающимъ ихъ, большинствѣ имѣлись голоса, принадлежащіе лицамъ, *присутствіе которыхъ не обуславливаетъ собою законности состава* земскаго собранія“. Сенатъ усматриваетъ въ этомъ противорѣчіе, легко устранимое, „если понимать участие въ уѣздномъ земскомъ собраніи лицъ, упомянутыхъ въ ст. 57, въ прямомъ и полномъ смыслѣ, не ограничивая этого участія только подачею голосовъ въ собраніи, а понимая его какъ полное осуществленіе права, принадлежащаго вообще гласнымъ (ст. 14 и 74 полож. о земск. учр.)“.

Такое толкованіе представляется намъ составленнымъ съ нарушеніемъ ст. 200 учред. Пр. Сената. Статья эта вмѣняетъ этому высокому учрежденію въ обязанность основывать свои опредѣленія „на изданныхъ законахъ, уставахъ и предписываемыхъ правилахъ, не перемѣняя въ оныхъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы“. Между тѣмъ, рассматривая первое изъ четырехъ приведенныхъ положеній, мы видимъ, что Сенатъ, для обоснованія своего взгляда, вынужденъ былъ замѣнить вполне точное выраженіе статьи 74, — „половина гласныхъ“ далеко не тождественнымъ выраженіемъ „половина членовъ собранія“.

Во второмъ положеніи сопоставляются ст. 14 и 57 полож. Но это сопоставленіе, — имѣющее цѣлью указать полный составъ членовъ уѣзднаго собранія, — едва ли можетъ привести къ желаемому результату, если принять во вниманіе, что въ первой изъ этихъ статей *шесть* разъ повторяется слово „гласные“, но ни разу не упоминается о прочихъ „членахъ собранія“. Къ тому же и ст. 74 говоритъ о „половинѣ числа гласныхъ“. какъ необходимомъ условіи законности состава собранія, безъ всякаго отношенія къ наличности или отсутствію въ засѣданіи прочихъ членовъ собранія.

Въ третьемъ своемъ положеніи Сенатъ переходитъ къ вопросу, не имѣющему никакой связи съ вопросомъ о законности состава собранія. Само собою разумѣется, что если извѣстныя лица допущены закономъ въ составъ собраній помимо избранія, но съ правомъ решающаго голоса, то они и могутъ пользоваться этимъ правомъ *послѣ того*, какъ собраніе открыто при наличности, согласно ст. 74, не менѣе половины *гласныхъ*. Полная основательность требованія ст. 74 и согласованность этого требованія съ основною идеей земскаго представительства становится вполне очевидною изъ слѣдующаго расчета, относящагося къ губернскимъ собраніямъ, включеніе въ составъ которыхъ значительнаго количества лицъ сверхъ комплекта гласныхъ имѣетъ, какъ говорилось выше, гораздо большее значеніе, чѣмъ включеніе 2—3 такихъ лицъ въ составъ собраній уѣздныхъ.

Половину числа гласныхъ губернскаго собранія по губерніямъ Таврической, Вологодской и Вятской составляютъ 15 гласныхъ. Если допустить возможность замѣстительства гласныхъ лицами, упоминаемыми въ ст. 56, которыхъ оказывается по Таврической губ. — 10, по Вологодской — 12 и по Вятской — 13, то получимъ, что, при условіи прибытія этихъ лицъ въ собраніе въ полномъ составѣ для открытія дѣйствій соответствующихъ губернскихъ собраній достаточно было бы наличности *пяти, трехъ и двухъ гласныхъ*. Очевидно, дѣйствуя въ такомъ составѣ, собранія эти имѣли бы слишкомъ мало общаго съ *земскимъ* представительствомъ, коренную основу котораго составляютъ ст. ст. 14, 15, 16 и 24 полож. Едва ли возможно допустить, чтобы это существенное положеніе могло не найти себѣ вполне яснаго выраженія въ законѣ, если бы въ виды законодателя входило обусловить состоятельность собраній наличностью опредѣленнаго числа не только гласныхъ, но и другихъ входящихъ въ составъ собранія лицъ.

Съ цѣлью обезпечить полноту *земскаго* представительства въ собраніяхъ, въ положеніи 1890 года включены статьи 59 и 60, изъ которыхъ первая дѣлаетъ обязательнымъ участие въ составѣ собранія (при отсутствіи къ тому законныхъ препятствій) только для *гласныхъ*, а вторая, вмѣстѣ со статьей 1440¹ ул. о нак., говоритъ о возможныхъ послѣдствіяхъ неявки въ собраніе также исключительно гласныхъ, но не другихъ членовъ собранія, на которыхъ и никакія взыскаія за неявку не могутъ быть налагаемы. Это различіе въ отношеніи закона къ „членамъ“ одного и того же собранія можетъ быть объяснено только тѣмъ, что неприбытіе значительнаго количества гласныхъ можетъ вести къ несостоятельности собранія и тѣмъ тормозитъ движеніе вѣреннаго земству „важнаго государственнаго дѣла“ и нарушать интересы явившихся гласныхъ, тогда какъ прибытіе или неприбытіе прочихъ членовъ собранія является, въ отношеніи законности его состава, обстоятельствомъ безразличнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что участие въ составѣ губернскихъ собраній уѣздныхъ предводителей дворянства является скорѣе ихъ правомъ, чѣмъ обязанностью, тогда какъ для гласнаго это участие составляетъ не только право, но и обязанность.

Если согласиться съ мнѣніемъ Правительствующаго Сената о возможности зачета, вмѣсто отсутствующихъ гласныхъ, другихъ лицъ, входящихъ въ составъ собраній, то придется и все очередныя собранія приравнять, въ отношеніи законности состава, къ тѣмъ, созываемымъ въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, чрезвычайнымъ собраніямъ, о которыхъ говорится въ концѣ ст. 74, какъ о признаваемыхъ дѣйствительными „при всякомъ числѣ *гласныхъ*“.

Что касается четвертаго тезиса Правительствующаго Сената, т. е., что при допущеніи взгляда, основательность котораго имъ отрицается, пришлось бы допустить возможность такихъ постановленій земскаго собранія, которыя состоялись при участіи лицъ, „присутствіе которыхъ не обуславливаетъ собою законности состава земскаго собранія“, то таково именно и есть дѣйствительное положеніе дѣла, какъ оно установлено закономъ. Но мы не видимъ въ этомъ

никакого противорѣчія. Въ своемъ сужденіи Правительствующій Сенатъ строитъ неподходящее къ данному случаю противоположеніе. Невозможно признать законности не тѣхъ постановленій земскаго собранія, которыя состоялись при участіи узаконеннаго количества гласныхъ плусъ извѣстное количество лицъ, имѣющихъ право участвовать въ составѣ собранія, а лишь тѣхъ постановленій его, которыя состоялись бы при участіи лицъ, *никакого права голоса въ собраніи не имѣющихъ*. Но право голоса предводителей дворянства и представителей вѣдомствъ въ собраніяхъ основано на законѣ и никѣмъ не оспаривается, равно какъ и не отрицается принадлежность имъ въсѣхъ другихъ правъ, принадлежащихъ гласнымъ. Закономъ 6 декабря 1899 года введена въ составъ губернскихъ собраній новая и при томъ весьма замѣтная по численности группа лицъ, — предсѣдатели уѣздныхъ управъ. Можетъ быть, съ теченіемъ времени будетъ признано желательнымъ ввести въ ихъ составъ какую нибудь другую группу, — предположимъ, напр., городскихъ головъ. Но пока текстъ ст. 74 будетъ сохранять его настоящую редакцію, до тѣхъ поръ законность состава, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ земскихъ собраній, способность ихъ функционировать, будетъ обуславливаться наличностью „не мене половины числа гласныхъ“, опредѣленнаго для каждаго изъ нихъ росписаніемъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ толкованіемъ ст. 74 находится и указаніе ст. 56 на то, что, какъ предводители дворянства, такъ и представители вѣдомствъ, участвуютъ въ губернскихъ собраніяхъ „*сверхъ* положеннаго по росписанію числа гласныхъ“, изъ чего ясно, что они точно такъ же не могутъ идти въ счетъ пополненія недостаточной наличности послѣднихъ, какъ напр. излишекъ гласныхъ, избранныхъ первымъ избирательнымъ собраніемъ въ составъ уѣзднаго собранія, не можетъ идти на покрытие числа гласныхъ, недоизбраннаго вторымъ избирательнымъ собраніемъ, — вслѣдствіе рѣзкаго различія между этими источниками уполномочія.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на то, что рассматриваемое рѣшеніе Правительствующаго Сената, по буквальному его смыслу, относится исключительно къ собраніямъ уѣзднымъ, циркуляромъ отъ 5 іюля 1899 года за № 38 на имя губернаторовъ м-во внутр. дѣлъ просило ихъ поставить въ извѣстность объ этомъ рѣшеніи, какъ уѣздныя, такъ и губернскаго собранія. Если это исходило изъ того мнѣнія, что приведенное рѣшеніе должно имѣть примѣненіе и къ губернскимъ собраніямъ, то такое распространеніе не имѣетъ подъ собою почвы. Примѣняя выше это рѣшеніе преимущественно къ губернскимъ собраніямъ, мы руководствовались исключительно тѣмъ соображеніемъ, что такой приемъ служить къ болѣе полному выясненію несогласованности этого рѣшенія, какъ съ буквою, такъ и съ духомъ закона.

Д. Лобановъ.

Нѣмецкая литература частнаго права (и философіи права) съ 1896 г. ¹⁾

Сравнительное правовѣдѣніе имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ философійю права, такъ что не лишне указать здѣсь и на работы, посвященныя названной области. Судя по заглавію, наиболее значительнымъ произведеніемъ въ этой области должно было бы быть сочиненіе Мейли: *Институціи сравнительнаго правовѣдѣнія* (Meili, Institutionen der vergleichenden Rechtswissenschaft. Штутгартъ 1898, 286 страницъ, цѣна 8 м.). Но названіе этой работы неточно и общаетъ больше того, что даетъ содержаніе. Въ ней заключается не столько систематическое изложеніе, предназначенное для начинающихъ, сколько библиографія сравнительнаго правовѣдѣнія, правда обширная и цѣнная. Это признаетъ и самъ авторъ (см. предисловіе, VI: „юридическій гербарій“). Первый, болѣе краткій отдѣлъ содержитъ суммарное сопоставленіе источниковъ права или тѣхъ сборниковъ и сочиненій, въ которыхъ они содержатся. Второй — систематическое сопоставленіе болѣе важныхъ для сравнительнаго правовѣдѣнія работъ, появившихся въ литераторахъ разныхъ культурныхъ странъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ книга заключаетъ краткій очеркъ сравнительнаго правовѣдѣнія. Во многихъ мѣстахъ сообщаются результаты приводимыхъ изслѣдованій, а иногда и содержаніе источниковъ права.

Естественно, такая первая попытка систематизаціи обширнаго матеріала оказалась исполненной не вслѣдствіе равнымъ успѣхомъ. Нѣкоторые вопросы изложены довольно обстоятельно, другіе отрывочно.

Но въ общемъ не только основная мысль автора, но и ея выполненіе заслуживаютъ полнаго одобренія. Книга въ отношеніи матеріала представляетъ настоящій кладъ для дальнѣйшихъ работъ въ этихъ областяхъ. Еще болѣе благодарности заслужилъ бы авторъ, если бы онъ захотѣлъ взяться за разрѣшеніе болѣе круной задачи: на основаніи своего богатаго матеріала выработать собственную систему сравнительнаго правовѣдѣнія.

Популярная лекція того же автора: „Общенародный духъ въ юриспруденціи“ („der internationale Geist in der Jurisprudenz“ Цюрихъ 1897, 18 стр. Цѣна 1 м.), хотя и не предназначена по словамъ автора для юристовъ, все же, вслѣдствіе интереснаго и блестящаго остроуміемъ изложенія, цѣнна и для этихъ послѣднихъ. Она задается вопросомъ, существуетъ ли общенародная правовая жизнь, и можно ли въ наше время говорить о существованіи „общенароднаго духа юриспруденціи“, — и отвѣчаетъ на него утвердительно.

Заслуживающую вниманія работу по сравнительному правовѣдѣнію представляетъ „Всеобщее обязательственное право“ Фридриха (Friedrich, Universales Obligationenrecht, Берлинъ, 1896, 210 страницъ. Цѣна 5 м.). Изслѣдованія въ этой области подвинулись уже настолько, что данныя, добытыя отдѣльными частными изслѣдованіями, могутъ быть подвергнуты систематическому изложенію. И вотъ, вслѣдъ за „очерками“ Поста скоро появилось новое произведеніе, ко-

¹⁾ См. Право, 1900, № 52.

торое на основаніи многочисленныхъ специальныхъ изслѣдованій въ искусной и легко обозрѣваемой формѣ излагаетъ названную важную область права. Здѣсь, какъ и у Поста, разрабатываются преимущественно права менѣе культурныхъ народовъ, при чемъ однако на первомъ планѣ фигурируютъ болѣе развитые среди нихъ, именно народы исламской культуры. Основанія для этого направленія, изложенныя на стр. VIII, по моему едва ли достаточны. Болѣе усиленное пользование греческими и римскими правами можетъ только увеличить достоинства этого рода работъ и усилить интересъ къ нимъ.

Фридрихъ дѣлитъ свою книгу на двѣ части, на *общую*, въ которой встрѣчается много замѣчаній, вызывающихъ возраженія (такъ напр. на стр. 3 о вліяніи долгового требованія (*Forderung*) на третьихъ лицъ, на стр. 6 о реальномъ договорѣ), и на *спеціальную*, раздѣленную по особому плану. Въ общихъ выводахъ авторъ нѣсколько сдержанъ, и это заслуживаетъ одобренія. Для окончательныхъ выводовъ нѣтъ достаточно полного матеріала. Во всякомъ случаѣ эта работа можетъ служить новымъ доказательствомъ выставленнаго авторомъ въ заключеніи положенія: „вплощенная въ правѣ природа человѣческаго духа при всемъ разнообразіи отдѣльныхъ проявленій оперируетъ весьма незначительнымъ числомъ формъ и основныхъ мыслей. Перечисленіе и опредѣленіе ихъ не лежитъ въѣиъ человѣческихъ силъ, хотя завершеніе этихъ работъ слѣдуетъ предоставить будущему“.

Пользуясь обширнымъ матеріаломъ объ отношеніяхъ индійскихъ родовъ въ Сѣверной Америкѣ, Колеръ снова разбираетъ вызывавшій много споровъ вопросъ о материнскомъ правѣ и групповомъ бракѣ: „Къ вопросу о первобытномъ бракѣ (*Zur Urgeschichte der Ehe* отд. оттиски изъ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, т. XII стр. 1—167). Авторъ рѣшительно и остроумно опровергаетъ возраженія, выставленныя недавно противъ теоріи матриархата Вестермаркомъ (*Westermarck*) и другими. Онъ въ частности упрекаетъ своихъ противниковъ въ томъ, что они недостаточно изучили индійскую систему родства, правда трудную для пониманія (стр. 120, 164).

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы стали сообщать здѣсь въ отдѣльности про другія работы — частью весьма содержательныя, появившіяся въ этомъ журналѣ. Достаточно общаго указанія на этотъ прекрасный органъ.

Дѣло Штернберга.

(Письмо изъ Берлина).

Мнѣ не приходилось наблюдать другого подобнаго примѣра, когда-бы общество съ такимъ чувствомъ удовлетворенія встрѣтило осужденіе подсудимаго, какъ въ дѣлѣ миллионера Штернберга, которое въ теченіе семи недѣль разбиралось въ 9-й камерѣ берлинскаго окружнаго суда.

Въ 6 ч. вечера судъ провознесъ вердиктъ, а черезъ часъ послѣ того армія разсылныхъ мѣстнаго *Lokal-Anzeiger'a* распространила извѣстіе о немъ по всему Берлину. Интересно было посмотреть, что

творилось въ это время на *Friedrichstrasse*. Публика, сдержанная нѣмецкая публика, позабывъ всю свою *Anständigkeit*, рвала у газетчиковъ и другъ у друга изъ рукъ листки, какъ-бы боясь на нѣсколько минутъ позже прочитатъ радостное сообщеніе. Что Штернбергъ признанъ виновнымъ, что онъ присужденъ къ 2½ годамъ заключенія въ цухтаузѣ—это было уже извѣстно, но всякому хотѣлось глазами провѣрить то, что сто разъ въ теченіе минуты приходилось слышать отъ прохожихъ и отъ безкорыстно-усердныхъ ¹⁾ разносчиковъ.

„*Zwei Jahre sechs Monate Zuchthaus!* Na, das ist doch für den Kerl eigentlich viel zu wenig!“—находило большинство публики, не подозревавшей, конечно, что ея наивный призывъ къ воздающей справедливости вполне согласуется въ данномъ случаѣ съ ученіемъ новой уголовной школы, требующей для преступниковъ, на исправленіе которыхъ нельзя надѣяться, возможно болѣе длительного наказанія.

Враждебное отношеніе къ подсудимому перенесено обществомъ и на всѣхъ дружественныхъ Штернбергу участниковъ процесса. Очень многіе изъ этихъ друзей предпринимали во время предв. слѣдствія въ интересахъ подсудимаго дѣйствія, о которыхъ весьма ясно говорится въ уголовномъ кодексѣ, что содѣяніе ихъ сопряжено для виновныхъ съ такими-то и такими-то неприятными послѣдствіями.

Незнаніемъ закона никто, какъ извѣстно, не можетъ отговариваться. Но тѣ, которые попирали законъ во имя спасенія Штернберга, въ громадномъ большинствѣ своемъ должны были знать законы уже въ силу своего положенія. По настоящее время насчитывается 16 „жертвъ Штернберга“, которымъ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ дать отвѣтъ предъ уголовнымъ или предъ дисциплинарнымъ судомъ. Однако, еще не всѣ виновные изобличены. Честная компанія, по всѣмъ признакамъ, увеличится еще по крайней мѣрѣ на такое-же число сочленовъ. Среди лицъ, привлеченныхъ пока къ отвѣтственности, есть, какъ я уже замѣтилъ, такіе, для которыхъ первая инстанція—дисциплинарный судъ. Это — нарушившіе свой долгъ полицейскіе чиновники и... увѣ! защитники подсудимаго,—свѣтила нѣмецкой уголовной адвокатуры! Этими добавочными моментами и опредѣляется главнымъ образомъ общественное значеніе процесса въ его второй стадіи.

Дѣло Штернберга разбиралось теперь вторично. Въ первый разъ (какъ и сейчасъ) Штернбергъ обвинялся „въ совершеніи безнравственныхъ дѣйствій съ лицами не достигшими 14-ти лѣтняго возраста“ ²⁾. Обвинительный актъ указывалъ тогда на трехъ недостигшихъ 14-ти лѣтняго возраста дѣвочекъ. Относительно каждой изъ потерпѣвшихъ поставленъ былъ отдѣльный вопросъ. На два вопроса послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, по третьему Штернбергъ былъ признанъ виновнымъ. Приговоръ этотъ кассированъ былъ въ его обвинительной части, и дѣло перешло въ

¹⁾ Экстренныя добавленія „*Lok-Anz.*“ раздаются даромъ.

²⁾ *Strafgesetzbuch für das deutsche Reich*, § 176^a.

другое отделение берлинского суда. При новом разбирательстве Штернбергу предстояло таким образом защищаться лишь против одного обвинения, но недёла за три до начала судебного следствия поступили в суд заявления еще от двух недостигших Schutzaltergrenze дёвочек, которые воздержались от подачи жалоб во время первого процесса. Относительно одной из этих дёвочек председатель в первом же заседании констатирует, что, если бы показанія ея и оказались въ фактической части своей вполне вѣрными, то *юридическаго* значенія онѣ имѣть не могутъ, т. е. означенной дёвочкѣ было уже ко времени совершения приписываемыхъ Штернбергу дѣяній болѣе 14-ти лѣтъ. Дёвочка эта фигурируетъ затѣмъ на судѣ лишь въ качествѣ свидѣтельницы. На свидѣтельскихъ скамьяхъ, кромѣ нея, еще нѣсколько „дёвочекъ старше 14-ти лѣтъ“, сношеній съ которыми подсудимый не отрицаетъ. Всего въ томъ заведеніи, услугахъ котораго пользовался Штернбергъ, перебывало въ теченіе полугода отъ 40 до 50 дёвочекъ *въ возрастѣ до 16 лѣтъ*¹⁾. Большинство изъ нихъ пользовался самъ Штернбергъ, лишь немногія достались на долю необнаруженныхъ еще пока сподвижниковъ миллионера.

Какъ-же однако могло случиться нѣчто подобное въ большомъ городѣ съ широко развитой гласностью и съ хорошо организованной полиціей? Какъ могла Маргарита Фишеръ — подрядчикъ Штернберга — нѣсколько мѣсяцевъ промышлять своимъ гнуснымъ дѣломъ въ Берлинѣ, гдѣ есть цѣлый штатъ полицейскихъ чиновниковъ, занятыхъ исключительно разслѣдованіемъ преступленій противъ нравственности? Какую чрезвычайную предусмотрительность должна была проявить Маргарита Фишеръ для того, чтобы остаться незамѣченной, а потомъ, когда дѣло отворилось, безпрепятственно бѣжать въ Америку?

Постараемся отвѣтить на эти вопросы.

Начнемъ съ того, что ни Штернбергу, ни Фишеръ не приходила очевидно даже въ голову мысль о томъ, что нужно быть сколько-нибудь осторожнымъ, что слѣдуетъ кого-либо остерегаться. Оба они понимали, конечно, что дѣлаютъ нехорошее дѣло, но представленіе о неизбежности законнаго возмездія, по самому существу мировоззрѣнія ихъ, совершенно имъ чуждо.

Были-бы соблюдены формы — и я въ безопасности, разсуждалъ Штернбергъ!

Пусть только дѣло дойдетъ до грозы, Штернбергъ не пожалѣетъ тогда денегъ, а съ деньгами все можно сдѣлать — думала Фишеръ, и, какъ показала опытъ, расчетъ ея былъ вполне правиленъ.

Все совершалось удивительно откровенно! Массажистка Фишеръ помѣщала время отъ времени въ „Lok.-Anz.“, томъ самомъ „Lok.-Anz.“, который затѣмъ первый оповѣстилъ обвинительный приговоръ, небольшія объявленія: „Пріѣзжіи художникъ ищетъ маленькихъ дёвочекъ для позированія“. На объявленія эти стекались изъ разныхъ темныхъ угловъ Берлина маленькія дёвочки, для которыхъ смыслъ про-

¹⁾ Это была граница, которую самъ подсудимый назначилъ своему подрядчику по поставкѣ живого товара.

читанныхъ ими анонсовъ былъ гораздо яснѣе, чѣмъ для мѣстной полиціи. Маргаритѣ Фишеръ незачѣмъ было объяснять дёвочкамъ, какъ онѣ должны „позировать“. Громадное большинство являвшихся позировали уже неоднократно предъ другими „художниками“.

Квартира массажистки Фишеръ, въ которой Штернбергъ устроилъ свое „ателье“, помѣщалась первоначально на Alexandrinenstrasse, не въ центральной, но все же очень оживленной части города. Впослѣдствіи художникъ перевелъ свою мастерскую въ самую аристократическую часть Берлина, на Wilhelmstrasse, вблизи которой расположены находившіяся въ завѣдываніи Штернберга обширныя коммерческія предпріятія.

„По дорогѣ изъ одного дѣла въ другое Штернбергъ заходилъ ко мнѣ — отдохнуть и поболтать“, рассказывала на судѣ возвратившаяся изъ Америки, послѣ того какъ ей общіямъ былъ судомъ свободный пропускъ, Маргарита Фишеръ.

Въ одно печальное утро Фишеръ въ большомъ волненіи вбѣжала въ бюро Штернберга и показала ему статью мѣстной „Morgenpost“ съ сенсационнымъ заглавіемъ „Исчезнувшая дёвочка“. Дѣло шло тогда о пропавшей и до сихъ поръ не найденной дёвочкѣ Фурнасонъ, неоднократно посѣщавшей квартиру Фишеръ. Хотя имя Фишеръ и не было названо, но послѣдняя поняла, что наступилъ моментъ расплаты и естественно явилась къ Штернбергу. Въ свою очередь Штернбергъ, хотя и „не зная за собою ничего худого“, нашелъ тѣмъ не менѣе весьма благоразумнымъ рѣшеніе Фишеръ, по которому „массажистка“ должна была немедленно удалиться куда-нибудь подальше, откуда бы ее не могли достать повѣтки нѣмецкихъ прокуроровъ. Послѣ короткихъ совѣщаній рѣшено было, что Фишеръ уѣдетъ въ Америку, въ сопровожденіи своей „подруги“ Венденъ — въ дѣйствительности горничной у Фишеръ, исполнявшей всякія ея порученія по дѣламъ¹⁾ (эта Венденъ занимала во второмъ процессѣ мѣсто рядомъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ. Она обвинялась въ пособничествѣ и приговорена къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія). — Не вполне довѣряя Фишеръ и ея подругѣ, боясь какъ бы онѣ зря не истратили назначенныхъ имъ на путешествіе и на первоначальное прожитіе въ Америкѣ 1000 марокъ, Штернбергъ проситъ своего пріятели Луппу — третьяго подсудимаго — проводить дамъ до Гамбурга и посадить ихъ тамъ на американскій пароходъ. Луппа, организовавшій впоследствии настоящій синдикатъ для защиты Штернберга, соглашается. Фишеръ уѣзжаетъ, а въ полицію поступаетъ только черезъ нѣсколько дней послѣ того заявленіе г-жи Фурнасонъ о пропажѣ ея маленькой дочери, которая занималась въ послѣднее время позированіемъ предъ художниками. Мѣсть, гдѣ ея дочь позировала, г-жа Фурнасонъ не знаетъ.

Приступая съ такими скудными данными къ слѣдствію, полиція не могла конечно сразу напасть на слѣды настоящаго преступника. Сначала подозрѣвали

¹⁾ Венденъ дѣйствительно уѣхала съ Фишеръ, но потомъ, по настоянію Штернберга, вернулась изъ Америки.

дѣйствительнаго художника изъ Франкфурта на О. Имя Штернберга, адресъ Фишеръ и секретъ позирования сдѣланы полиціи извѣстными изъ анонимаго письма. Вслѣдствіе отсутствія Фишеръ, чрезвычайно трудно было установить отношеніе Штернберга къ исчезнувшей, и дѣло Штенбергъ-Фурнасонъ, за недостаткомъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, было прекращено.

Такъ бы, можетъ быть, все и заглохло, если бы печать не настанвала энергически на дальнѣйшемъ разслѣдованіи этой темной исторіи.

Полиція принялась за розыски другихъ дѣвочекъ, исполнявшихъ роль моделей въ квартирѣ Фишеръ и, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, набрела, наконецъ, на главную потерпѣвшую, — на основаніи показанія которой Штернбергъ осужденъ былъ въ первый разъ, — не достигшую еще и по настоящее время 14-ти лѣтняго возраста Фриду Войду. На второмъ судебномъ разбирательствѣ Фрида категорически отрицала виновность Штернберга, увѣряя, что все то, что она показывала раньше — чистый вымыселъ, повторенный ею вслѣдъ за производившимъ дознаніе полицейскимъ Штирштедтеромъ. — У Фишеръ Фрида жила въ качествѣ дѣвочки для побѣгушекъ. Штернбергъ у Фишеръ бывалъ и Фрида его знаетъ, но „дѣла“ она никакого со Штернбергомъ не имѣла. А то, что она разсказывала на первомъ судѣ, вложено было ей въ уста Штирштедтеромъ, который отскалъ Фриду и отвезъ ее для допроса къ судебному слѣдователю. По дорогѣ Штирштедтеръ внушилъ ей ея показаніе, повторенное ею затѣмъ и на судебномъ слѣдствіи. Но уже недѣли за три до начала новаго разбирательства она объяснила своей старшей сестрѣ, что говорила раньше неправду. Теперь она должна наконецъ облегчить свою совѣсть: Штернбергъ не виноватъ по отношенію къ ней, онъ никогда до нея не затрагивался даже. Съ этой позиціи никакъ нельзя было сбить Войду. Ни перекрестные допросы съ товарками, которымъ Фрида разсказывала, какъ именно ее „любилъ“ Штернбергъ, ни напоминанія о ея первомъ показаніи, въ которомъ она съ мельчайшими подробностями описала утонченныя Штернберговскія ласки, ничто не въ состояніи было поколебать ее.

Каждый день Фриду допрашивали наново и каждый разъ слѣдоваль неизмѣнный отвѣтъ: да, она дѣйствительно все это говорила, но лишь по наущенію полицейскаго, который отвезъ ее къ слѣдователю. Этотъ полицейскій велѣлъ ей разсказать и все тѣ подробности, которыя она изложила въ своемъ первомъ показаніи. Въ дѣйствительности же ничего не было, она ничего не знаетъ.

Вокругъ допроса Войды и перекрестныхъ допросовъ ея съ подругами, изъ которыхъ большинство показывало противъ Штернберга, вращалась вся доказательная часть судебного слѣдствія. Мы не можемъ конечно даже и вкратцѣ передать содержанія его.

Штернбергъ и самъ не отрицалъ того, что онъ неоднократно бывалъ у Фишеръ, что онъ вступалъ тамъ въ сношенія съ дѣвочками, „но лишь послѣ того, какъ узнавалъ отъ нихъ, что имъ уже больше четырнадцати лѣтъ“.

Но это увѣренія, очевидно, не подѣйствовали на судъ, который остался при прежнемъ показаніи Войды, и Ш. осужденъ судомъ и обществомъ, какъ типическій представитель той группы людей, которая создаетъ спросъ на продававшійся въ лавочкѣ Маргариты Фишеръ товаръ, какъ голова и сердце того темнаго царства, въ которомъ все можно было купить за деньги.

Если бы не было такого обильнаго спроса, если бы Штернбергъ не въ состояніи былъ проглотить въ теченіе полугода 50 дѣвочекъ, то не было бы, конечно, и того обильнаго предложенія, благодаря которому Штернбергъ непрерывно и за гроши могъ получать то, за чѣмъ онъ приходилъ къ Фишеръ. — Само собой разумѣется, можно разсуждать и иначе. Если бы не было такого громаднаго числа безпризорныхъ, голодныхъ дѣтей, то не было бы и Штернберговъ: обезпеченныя и сытыя дѣвочки не ходили къ Фишеръ, — клиента ея состояла исключительно изъ дѣтскаго Lumpenproletariat'a. Дѣло Штернберга, какъ, впрочемъ, и большинство всѣхъ вообще уголовныхъ дѣлъ, говоритъ не только противъ самого обвиняемаго, но и противъ того социальнаго порядка, который приходитъ на помощь преступнику, а иногда даже самъ и создаетъ преступниковъ.

Созображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ нисколько, однако, не уменьшаетъ виновности людей штернбергскаго покроя, а указываетъ только на то, что мѣрами одного лишь уголовного характера мало сдѣлаешь для предупрежденія штернбергιάды въ будущемъ. Уголовный судъ освѣтилъ темнѣйшіе уголки дѣла.

Въ Берлинѣ процвѣтаетъ дѣтская проституція — вотъ главнѣйшій и наиболѣе печальный изъ добытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ результатовъ.

Тѣ, которые спеціально интересовались вопросомъ, знали, конечно, и до процесса Штернберга, что Берлинъ мало уступаетъ въ этомъ отношеніи Парижу и Лондону. Но дѣло въ томъ, что на судѣ снова ярко и въ формѣ доступной пониманію самой широкой публики обрисовывалась та социальная обстановка, которая дѣлаетъ дѣтей жертвами порока.

Четыре главнѣйшія свидѣтельница: Фрида Войда, Элертъ, Каллисъ, Тейхертъ. — Фрида Войда *съ двѣнадцатилѣтняго возраста круглая сирота, усѣвшая побывать уже и въ сиротскомъ домѣ, попадаетъ къ Фишеръ. Элертъ, — мать ея „умерла, отецъ пьянствуетъ, сама она съ 12-ти лѣтъ „зарабатываетъ“. Отецъ Каллисъ третій годъ сидитъ въ цухтгаузѣ, мать работаетъ на фабрикѣ. Мина Тейхертъ съ малолѣтства видала своихъ родителей только по вечерамъ. — цѣлый день они проводили на фабрикѣ. „Въ домѣ было такъ холодно и грязно“, разсказывала Тейхертъ, „возвратившись съ работы, отецъ и мать скоро уходили въ кабакъ и я радовалась, когда они меня туда съ собой брали“.

Въ большомъ индустриальномъ городѣ всегда есть громадное число людей, которые очень мало въ состояніи посвятить времени воспитанію своихъ дѣтей и надзору за ними. Мина Тейхертъ — не исключеніе. Въ

Германиі официальная статистика показываетъ 170.000 занимающихся фабричнымъ трудомъ замужнихъ женщинъ. Всѣ онѣ могутъ видѣть своихъ дѣтей только по вечерамъ. Но въ большинствѣ случаевъ онѣ и сами отъ дѣтей и дѣти отъ нихъ отвыкаютъ. Не удивительно, при такихъ обстоятельствахъ, что матери нерѣдко заставляютъ своихъ двѣнадцатилѣтнихъ дочекъ въ кабакахъ съ мужчинами, съ которыми онѣ свели знакомство днемъ на улицѣ. Неудивительно и то, что, какъ показываетъ статистика, „не малое число дѣвочекъ школьнаго возраста подвергнуто, въ виду ихъ безнравственнаго поведения, принудительному воспитанію“¹⁾. Поможетъ-ли имъ такое „воспитаніе“? Здѣсь не мѣсто для отвѣта на этотъ вопросъ. Но дѣло Штернберга заставляетъ и надъ нимъ серьезно призадуматься.

Чрезвычайно интересны обнаруженные на судебномъ слѣдствіи данныя о жилищныхъ условияхъ Берлина. Данныя эти опять таки не новы, но очень многимъ онѣ были неизвѣстны. Рѣчь шла на судѣ главнымъ образомъ о такъ называемыхъ Schlafstätten. Это ночлежные углы, сдаваемые отъ себя бѣдными пролетаріатскими семьями, которымъ не подъ силу высота берлинскихъ квартирныхъ цѣнъ. Иные дѣлаютъ себѣ даже изъ отдачи въ наемъ Schlafstätten источникъ дохода. Оставляя себѣ половицу комнаты, въ которой въ повалку спать вся семья, они выстилаютъ затѣмъ все оставшееся мѣсто койками и сдаютъ ихъ на ночь всякимъ пришлецамъ, въ личности которыхъ хозяева конечно не могутъ удостовѣриться. Эти Schlafstätten издавна извѣстны, какъ расадники порока и преступления, но борьба съ ними ни къ чему не приводитъ. Специальныя постановленія объ отдачѣ въ наемъ Schlafstätten, касающіяся главнымъ образомъ вопроса о раздѣленіи половъ, фактически не соблюдаются, какъ это явствуетъ изъ берлинской переписи 1885 г., отмѣтившей 1100 мужчинъ и 1665 женщинъ, стало быть вмѣстѣ 2765 ночлежниковъ обоого пола, ночевавшихъ въ однокомнатныхъ помѣщеніяхъ²⁾. Статистика 1895 г. показала 7239 однокомнатныхъ помѣщеній съ 7 ночлежниками, 3173 съ 8, 1262 съ 9, 370 съ 10, 127 съ 11, 31 съ 12, 14 съ 13 и одно съ 14!... Легко представить себѣ, что творится въ такихъ ночлежныхъ домахъ и мы видимъ на самомъ дѣлѣ, чему научились въ нихъ фигурировавшія въ процессѣ малолѣтнія свидѣтельницы, изъ которыхъ всѣ почти съ самаго ранняго дѣтства проводили ночь въ помѣщеніяхъ, отдававшихся подъ Schlafstätten.

Кромѣ изображенной широко соціальной стороны процесса, въ немъ было еще очень много моментовъ, ближе интересующихъ юриста какъ такового.

Дѣло Штернберга снова ребромъ поставило вопросъ о неудовлетворительной организаціи предварительнаго слѣдствія, вытекающей главнымъ образомъ изъ слишкомъ широкихъ полномочій полиціи въ этой стадіи процесса. Судебное разбирательство еще разъ

показало воочію, въ какихъ ненадежныхъ рукахъ находятся важныя слѣдственные функціи и къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ повести разслѣдованіе въ рукахъ полицейскаго чиновника, свободнаго отъ контроля судебной власти.

Конечно не все то, что имѣло мѣсто въ дѣлѣ Штернберга является типическимъ для берлинской криминальной полиціи. Совершенно случайный моментъ, напр., — близкое знакомство и денежные отношенія Штернберга къ директору криминальной полиціи ф. Меершейдтъ-Гюлезейму. Ни Штернбергъ, ни ф. Гюлезеймъ не ожидали, когда познакомились, что встрѣтятся впоследствии при такихъ условіяхъ. Но на судѣ выяснилось, что директоръ полиціи могъ быть очень полезнымъ Штернбергу, что ф. Гюлезеймъ, обходя распоряженія прокурорскаго надзора, удалилъ отъ слѣдствія подчиненнаго полицейскаго чиновника, въ рукахъ котораго были всѣ нити дѣла и которому легче всего было собрать доказывающія виновность Штернберга улики. Посредствомъ простой перетасовки служащихъ, директоръ перевелъ „враждебно къ Штернбергу настроеннаго полицейскаго“ — какъ выразился самъ ф. Гюлезеймъ на судѣ — въ другое отдѣленіе, и если-бы этотъ полицейскій не ослушался приказанія и не продолжалъ своихъ розысковъ, то, быть можетъ, Штернбергъ былъ-бы уже теперь на свободѣ и подумывалъ-бы объ устройствѣ новой „мастерской“.

Повторяемъ, въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, что поведение директора является типическимъ для господствующихъ въ криминальной полиціи порядковъ, но самая возможность такого инцидента свидѣтельствуемъ о необходимости подвергнуть тщательнѣйшей ревизіи вопросъ о слѣдственной компетенціи полиціи.

Дисциплинарное производство должно было дать подробныя свѣдѣнія о роли ф. Гюлезейма въ дѣлѣ Штернберга. Производство это не состоится: въ тотъ самый день, когда Штернбергъ присужденъ былъ къ заключенію въ Zuchthaus'ъ, директоръ берлинской криминальной полиціи ф. Меершейдтъ-Гюлезеймъ скончался отъ тяжелаго нервнаго потрясенія, которое за двѣ недѣли уже до смерти приковало покойнаго къ постели...

Менѣе счастливъ комиссаръ Тіель, одинъ изъ многочисленныхъ подчиненныхъ ф. Гюлезейма. Изъ всѣхъ „жертвъ“ намъ болѣе всего жалко этого запутавшагося человѣка, смущеннаго блескомъ штернберговскихъ милліоновъ и тѣми заманчивыми обѣщаніями, которыя ему дѣлали друзья обвиняемаго. За все время его вѣрной службы, на которой каждую минуту легко было сломать себѣ шею, Тіелю выдано изъ бюро Штернберга 7.000 марокъ. Прижатый къ стѣнѣ вопросами предсѣдателя, Тіель сознался на судѣ въ томъ, что получилъ эти деньги отъ завѣдывавшего дѣлами „синдиката спасенія“ Луппы¹⁾. По договору, заключенному съ Луппой, Тіель долженъ былъ сообщать синдикату о всѣхъ поступавшихъ въ полицію свѣдѣніяхъ, касавшихся дѣла, а, главное, стараться *компрометировать „враждебныхъ Штернбергу“ полицейскихъ чиновниковъ передъ выс-*

¹⁾ Soziale Praxis X, Jahrg № 13, S. 302.

²⁾ Paul Zindenburg „Berliner Polizei und Verbrecherthum“, s. 115.

¹⁾ Луппа бѣжалъ во время судебного слѣдствія въ Англію.

шимъ начальствомъ. Тіель и былъ первымъ, кто указалъ ф. Гюлезейму на „враждебно къ Штернбергу настроеннаго“ полицейскаго Штирштедтера, удаленнаго по распоряженію директора отъ розысковъ по дѣлу Штернберга.

Интересно, что и Штирштедтеръ, которому начальство дало самую блестящую аттестацію, принужденъ былъ сознаться, подъ вопросомъ защитниковъ, что, производя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ розыскъ по дѣлу о сводничествѣ, онъ не устоялъ противъ „прелестей“ подозрѣваемой женщины и, взявъ съ нея взятку натурой, старался направить затѣмъ дѣло къ прекращенію. Этой предполагаемой сводницѣ Штирштедтеръ сообщаетъ интимнѣйшія подробности, касающіяся дѣла Штернберга. Достоинство самого метода изслѣдованія, котораго придерживался этотъ образцовый, по общему отзыву, служака, является тоже весьма сомнительнымъ. Отыскавъ Фриду Войду, Штирштедтеръ первымъ дѣломъ старается расположить въ свою пользу замужнюю сестру Фриды—г-жу Блюмкэ, у которой дѣвочка жила тогда. Господину Блюмкэ Штирштедтеръ въ первый же день знакомства обѣщаетъ *мѣсто при газетѣ „Morgenpost“*, къ которой Штирштедтеръ стоялъ все время слѣдствія очень близко.

Когда директоръ полиціи запретилъ Штирштедтеру бывать у Блюмкэ, образцовый служака немедленно сѣлъ и написалъ послѣднимъ письмомъ слѣдующаго содержания: „Такъ какъ директоръ ф. Меершейдтъ-Гюлезеймъ приказалъ мнѣ сейчасъ прекратить всякія отношенія съ вами, то я просилъ бы васъ опубликовать все то, что вамъ извѣстно о попыткахъ затормозить слѣдствіе въ „Morgenpost“. *Назовите всѣ имена.* Если будетъ что нибудь новое, сообщите мнѣ немедленно. Прочитавъ письмо, уничтожьте его“. Письма, однако, г-да Блюмкэ, которые, какъ оказывается, вели двойную игру, не уничтожили, и оно было прочитано на судѣ. На судѣ выяснилось и то „новое“, о которомъ Штирштедтеръ просилъ сообщенія. Дѣло въ томъ, что Блюмкэ представляли интересъ не только для Штирштедтера, но и для друзей Штернберга,—для послѣднихъ еще болѣе болѣе.

Синдикатъ сносился съ Блюмкэ черезъ служащихъ частнаго Detektiv-Institut „Jus“. Директоръ этого института, съ невѣроятнымъ цинизмомъ рассказывавшій на судѣ объ операціяхъ подвѣдомственнаго ему учрежденія, долженъ былъ получить въ случаѣ оправданія Штернберга 50.000 марокъ; служащимъ его обѣщаны были меньшія суммы, отъ 1000 до 10.000 марокъ.

Все, что Блюмкэ узнавали отъ Штирштедтера, они немедленно передавали служащимъ „Detektiv-Institut'a“, и вотъ отчего синдикатъ такъ хорошо освѣдомленъ былъ все время насчетъ хода слѣдствія.

Штирштедтеру же Блюмкэ на всякій случай рассказывали о тѣхъ предложеніяхъ, которыя имъ дѣлали агенты института. Занятіе это очевидно было очень выгоднымъ для Блюмкэ. Въ домѣ ихъ появился, какъ показывали другіе свидѣтели, достатокъ, о какомъ эти разысканные случаевъ счастливицы и не мечтали до дѣла Штернберга...

Позвольте же однако, скажутъ мнѣ, неужели для

вась и ф. Гюлезеймъ, и Тіель, и Штирштедтеръ только жертвы случая? Неужели же по этимъ тремъ главнымъ лицамъ, сыгравшимъ такую роль въ процессѣ, нельзя составить себѣ представленія о томъ, что вообще дѣлается въ криминальной полиціи? Случай?! Случай бываетъ одинъ разъ, но въ одномъ и томъ же дѣлѣ трижды, нѣтъ!.. Позвольте, возражу я въ свою очередь, я не говорилъ о случаѣ, я указывалъ только на то, что въ настоящемъ дѣлѣ все должно было выступить не въ натуральномъ своемъ, а въ гипертрофированномъ размѣрѣ.

Укажите мнѣ на другое дѣло, которое въ самомъ корнѣ своемъ было бы такъ грязно, и развѣ вы станете отрицать, что эта грязь должна была прилипнуть и ко всѣмъ тѣмъ, кто принимаетъ въ дѣлѣ участіе въ качествѣ стороны?! Полицейскіе чиновники не устояли! Но что вы скажете о другихъ, о тѣхъ, въ которыхъ нравственные принципы должны были бы сидѣть корѣнче, чѣмъ въ господахъ Штирштедтерѣ, Тіельѣ, и какъ ихъ еще тамъ зовутъ всѣхъ!

Въ эту грязную яму, предательски покрытую сверху кредитными билетами, попадали люди, которые изучали въ университетѣ право, которые приносили присягу въ томъ, что всегда будутъ поступать на судѣ, какъ того требуютъ правда и законъ!

Двое изъ защитниковъ такъ сильно были скомпрометированы, что принуждены были оставить свои мѣста и передать полномочія тремъ остальнымъ, болѣе чистоплотнымъ товарищамъ.

Тоже двое въ одномъ дѣлѣ! Неужели же мы станемъ по этимъ двумъ звѣздамъ первой величины судить о всей берлинской адвокатурѣ?!

Тяжело, конечно, для юриста самое сопоставленіе—полиція и адвокатура! Но въ данномъ случаѣ оно неизбежно.

Много говорятъ здѣсь о низкомъ вознагражденіи, получаемомъ полицейскими чиновниками. Какъ соблазнительны должны быть для этихъ бѣдняковъ обѣщанныя Штернбергомъ тысячи!—Хорошо, но въ дѣ судейныхъ власти, матеріально такъ же скверно поставленные, не запятнали себя. Съ другой стороны, нарушившій свой долгъ защитникъ Штернберга, д-ръ Зелло, зарабатываетъ гораздо больше 100.000 м. въ годъ!

Стало бытъ, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, насколько развита сила моральнаго сопротивленія въ лицахъ, наталкивающихся на Штернберговъ. Не подлечь вѣстѣ съ тѣмъ никакому сомнѣнію, что по напряженности силы моральнаго сопротивленія въ лицахъ занятыхъ общественнымъ служеніемъ,—адвокатахъ, напр.,—можно судить о высотѣ моральнаго уровня, на которомъ находится въ данный моментъ общественная жизнь всей страны.

Апофеозъ дѣла Штернберга является въ этомъ отношеніи весьма печальнымъ для нынѣшняго положенія дѣла въ Германіи симптомомъ.

Г. Н. Шатровъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующей Сенатъ.

Соединенное присутствіе 1-го и гражд. кас. депар.

Засѣданіе 22 дек. 1900 г.

I.

Дѣло издателя журнала „Новое Слово.“ Прим. къ 148 уст. о ценз. и печ.

Въ 1897 г. журналъ „Новое Слово“, не получившій ни одного предостереженія, былъ окончательно прекращенъ. Какъ видно изъ сообщенія Правительств. Вѣстн., напечатаннаго въ № 274, мѣра эта была принята на основ. примѣч. къ ст. 148 уст. о ценз. и печ. особой коллегіей, состоявшей изъ гг. министровъ народн. просвѣщ., юстиціи, внутр. дѣлъ и оберъ-прокур. Святѣйшаго Синода. Издатель „Новаго Слова“ М. Н. Семеновъ черезъ повѣреннаго своего прис. пов. А. А. Никонова предъявилъ въ гражд. кас. деп. къ членамъ названной коллегіи искъ о возмѣщеніи ему убытковъ, происшедшихъ вслѣдствіе неправильнаго, по мнѣнію истца, примѣненія къ его изданію прим. къ ст. 148 уст. о ценз. и печ. и положенныхъ въ иск. прошеніи, сводятся къ слѣдующему: законъ 1882 г., вошедшій въ видъ примѣч. къ ст. 148 въ уставъ о ценз. печ., передалъ право совершенно прекращать изданія, принадлежавшее до 1882 г. первому департ. Пр. Сената, коллегіи изъ указанныхъ выше высшихъ членовъ управленія; но законъ этотъ не отмѣнилъ ст. 148, въ которой излагаются общія условія возможности прекращенія изданій. Такое толкованіе закона 1882 г. вытекаетъ изъ его буквального смысла, соответствуетъ общему принципу юридической герменевтики, согласно которому всякій ограничительный законъ, какимъ несомнѣнно является законъ 1882 г., долженъ быть толкуемъ какъ можно уже; это толкованіе наконецъ представляется рациональнымъ и съ точки зрѣнія цензурной политики въ Россіи: законъ дозволяетъ частнымъ лицамъ издательскую дѣятельность, требующую крупныхъ затратъ какъ капитала, такъ и труда. Полное прекращеніе изданія, фирмы его, равносильно потерѣ цѣнности всего изданія, лишены частныхъ лицъ ихъ права собственности. Нельзя допустить, чтобы законодатель, давая высшей администраціи такое сильное средство, какъ прекращеніе, не ограждалъ сколько нибудь имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ. Такая гарантія и дается въ видъ требованія закона о 3-хъ предостереженіяхъ: всякое предостереженіе, такъ или иначе мотивированное, какъ бы говорить издателю, что его изданіе не соответствуетъ высшимъ видамъ правительства, и издатель можетъ принять соответствующія мѣры: или измѣнить характеръ изданія, или продать его или ликвидировать все дѣло. Предостереженія являются средствомъ узнать, что въ данное время признается въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вреднымъ и недозволеннымъ въ печати.

По всемъ этимъ соображеніямъ истецъ полагаетъ, что совершенное прекращеніе журнала „Новое Слово“ безъ предварительнаго объявленія ему трехъ предостереженій является незаконнымъ, и такъ какъ мѣра эта причинила убытки въ размѣрѣ 80 тыс. руб., то и проситъ о присужденіи ему этой суммы съ членовъ названной выше коллегіи.

Въ отвѣтъ на это исковое прошеніе со стороны отвѣтчиковъ министра юстиціи Н. В. Муравьева и оберъ-прокур. Свяг. Синода К. П. Побѣдоносцева поступили однородныя письменныя объясненія, въ которыхъ доказывается, что искъ издателя „Новаго Слова“ лишенъ законнаго основанія. „До 1882 г.“ пишутъ отвѣтчики: „прекращеніе вредныхъ по направленію повременныхъ изданій, согласно 148 ст. уст. ценз., могло послѣдовать, не прежде какъ по объявленіи издателю трехъ предостереженій. Такой

порядокъ представлялъ однако существенныя неудобства. Бывали случаи, когда въ повременномъ изданіи, не получившемъ ни одного предостереженія, появлялись статьи съ крайне вреднымъ направленіемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ основами нашей государственной жизни и коренными началами общечеловѣчества. Во всѣхъ этихъ случаяхъ органы власти, наблюдающей за прессой, были поставлены въ необходимость ограничиваться объявленіями издателю одного лишь предостереженія и не могли прибѣгать къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ для предупреденія самой возможности распространенія подобнаго изданіемъ вредныхъ идей въ будущемъ. Отсутствие дѣйствительныхъ способовъ воздѣйствія на печать въ особо выдающихся случаяхъ злоупотребленія печатнымъ словомъ не соответствовало ни государственнымъ, ни общественнымъ интересамъ, ни задачамъ правительства по надзору за прессою. Вслѣдствіе этого въ видѣ временной мѣры, впрямь до общаго пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о печати, Высоч. утв. 27 авг. 1882 г., положеніемъ комитета министровъ были внесены нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствовавшія ранѣе правила цензурнаго устава. Наиболее существенныя изъ этихъ измѣненій заключаются въ томъ, что, сверхъ прежнихъ мѣръ воздѣйствія) предостереженій, воспрещенія разналичной предажи, печатанія объявленій и, наконецъ, совершеннаго прекращеніемъ изданія), по закону 1882 г. допускается приостановка повременнаго изданія, безъ опредѣленія срока ея, и воспрещенія редакторамъ ихъ и издателямъ редактировать и издавать послѣдствіи какія-либо періодическія изданія. Въ силу прежнихъ постановленій ценз. устава указаннымъ въ немъ мѣрамъ взысканія подлежали лишь повременныя изданія, издателя отъ предв. цензуры; по закону же 1882 г. могутъ быть прекращаемы или приостанавливаемы и такія изданія, которыя выходятъ подъ предв. цензурой. Согласно прежде дѣйствовавшему порядку, возбужденіе вопроса о совершенномъ прекращеніи повр. изданія зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія министра вн. дѣлъ; закономъ же 1882 г. право возбужденія этого вопроса предоставлено каждому министру и главному управляющему отдѣльной частью. Наконецъ, по прежнимъ правиламъ разрѣшеніе возбужденнаго министромъ внут. дѣлъ вопроса о прекращеніи изданія было возложено на Пр. Сенатъ, а по закону 1882 г. мѣра эта разрѣшается особой коллегіей, состоящей изъ министровъ внут. дѣлъ, юстиціи, народн. просвѣщ., оберъ-прокур. Святѣйшаго Синода и того министра или главноуправляющаго отдѣльной частью, которымъ возбужденъ вопросъ о прекращеніи изданія. Само собою разумѣется, что на ряду съ этими измѣненіями дѣйствовавшихъ ранѣе узаконеній утратили всякую силу и всѣ тѣ правила, которыми по ст. 148 уст. ценз. обусловливалось прекращеніе повременныхъ изданій. Еще допустить, какъ это предполагаетъ истецъ, что и въ настоящее время означенныя изданія могутъ быть прекращаемы не прежде, какъ по объявленіи трехъ предостереженій, то точное соблюденіе этого правила привело бы къ непримиримымъ противорѣчіямъ при практическомъ примѣненіи закона 1882 г. и нѣрѣдко лишало бы правительство возможности осуществлять нѣкоторыя изъ предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ мѣръ. Такъ, напр., ст. 148 уст. ценз. указывающая лишь тѣ условія, при которыхъ можетъ послѣдовать окончательное прекращеніе изданія, очевидно, не можетъ имѣть примѣненія въ случаяхъ, когда въ силу позднѣйшаго закона изданіе не прекращается, а лишь временно приостанавливается съ воспрещеніемъ редактору и издателю редактировать и издавать послѣдствіи какія-либо періодическія изданія. Вслѣдствіе этого, если допустить, что правило, выраженное въ ст. 148 уст. ценз. обязательно и въ настоящее время, то оказалось бы, что простое прекращеніе повременна-

го изданія можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предварительномъ объявленіи изданію трехъ предостереженій, а болѣе суровая въ сущности мѣра, заключающаяся въ безсрочномъ приостановленіи изданія, соединенномъ съ нѣкоторыми ограниченіями правъ редакторовъ и издателей, можетъ быть налагаема и на такія изданія, которымъ не было объявлено ни одного предостереженія. Независимо отъ того законъ 1882 г., въ противоположность прежде дѣйствовавшимъ правиламъ, позволяетъ прекращеніе повременныхъ изданій выходящихъ, подъ предв. цензурой. Если признать однако, что и въ настоящее время прекращеніе изданія можетъ послѣдовать не прежде, какъ по объявленіи издателю трехъ предостереженій, то оказалось бы, что установленная закономъ 1882 г. мѣра въ дѣйствительности никогда не можетъ быть примѣняема къ подцензурнымъ изданіямъ, такъ какъ ни въ силу упомянутого закона, ни на основаніи прежде дѣйствовавшихъ правилъ предостереженія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объявляемы подобнымъ изданіямъ.

Наконецъ законъ 1882 г. расширилъ надзоръ за прессою, предоставивъ не только министру вн. дѣлъ, но и всѣмъ вообще министрамъ, а также главноуправляющимъ отдѣльными частями право требовать прекращенія повременнаго изданія, проявившаго вредное направленіе. Предоставляя такое право симъ высшимъ членамъ госуд. управленія, законъ, какъ видно изъ его текста, не считалъ нужнымъ указать тѣ условия, наличность которыхъ представляется необходимою для удовлетворенія заявленнаго требованія о прекращеніи изданія, такъ какъ самый составъ коллегіи, призванной къ обсужденію подобныхъ вопросовъ, служить въполнѣ достаточной гарантіей правильнаго разрѣшенія ихъ согласно съ общегосударственными интересами. Такая постановка надзора за поврем. изданіями представляется однако несомнѣнной съ правиломъ, въ силу котораго изданія эти не могутъ быть прекращаемы до объявленія изданію 3-хъ предостереженій. Согласно деиз. уставу, право объявленія предостереженій предоставлено исключительно министру внутр. дѣлъ, а потому при точномъ соблюденіи правила, выраженаго въ ст. 148 уст. деиз., ни одинъ изъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльной частью не имѣлъ бы возможности заявить требованіе о прекращеніи вреднаго по направленію изданія, если съ своей стороны министръ внутр. дѣлъ не сочтетъ нужнымъ объявить предварительно этому изданію три предостереженія.

Въ заключеніе своего отвѣта оберъ-прокуроръ Св. Синода и министръ юстиціи пишутъ слѣдующее: „вмѣстѣ съ тѣмъ считаю неизвѣстнымъ присовокупить, что, какъ мнѣ лично извѣстно, постановленіе особаго совѣщанія о прекращеніи названнаго журнала было повергаемо министромъ внутренн. дѣлъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе, при чемъ Государю Императору благоудбно было Высочайше одобрить принятую мѣру собственноручной подписью на журналѣ совѣщанія „согласенъ“.

Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ изъ краткаго отчета, помѣщеннаго въ № 52 „Права за 1899 г., до разбора дѣлъ въ засѣданіи Сената 11 декабря 1899 г. истецъ М. Н. Семеновъ заявилъ, что онъ отъ иска отказывается въ виду Высочайшаго одобренія принятой особымъ совѣщаніемъ мѣры, о коемъ онъ узналъ изъ отвѣтныхъ бумажекъ отвѣтчиковъ.

Вслѣдствіи повѣренный М. Н. Семенова прис. пов. А. А. Никоновъ предъявилъ новый искъ къ членамъ названнаго коллегіи о возмѣщеніи его до вѣрителю 416 руб. убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе невѣрнаго объявленія ему о томъ порядкѣ, въ какомъ послѣдовало распоряженіе о прекращеніи издаваемаго имъ журнала „Новое Слово“. Искъ свой повѣренный А. А. Никоновъ доказываетъ слѣдую-

щимъ образомъ: распоряженіе о прекращеніи журнала было напечатано въ „Правительств. Вѣстникъ“ и въ немъ категорически указывалось, что мѣра эта послѣдовала только въ силу постановленія особаго совѣщанія министровъ. Ни въ этомъ сообщеніи ни въ частномъ извѣщеніи деиз. управленія ни однимъ словомъ не было упомянуто, что журналъ особаго совѣщанія удостоился Высочайшаго утвержденія. М. Н. Семеновъ, считая дѣйствія особаго совѣщанія незаконными, предъявилъ искъ къ членамъ его о возмѣщеніи убытковъ. Только изъ отвѣтныхъ бумажекъ истецъ узналъ, что предполагаемая особымъ совѣщаніемъ мѣра удостоилась Высочайшаго утвержденія, имѣвшаго въ дѣлѣ безусловно рѣшающее значеніе. Поэтому то онъ въ засѣданіи 11 декабря 1899 г. и просилъ объ оставленіи иска безъ разсмотрѣнія. Понятно, что, если бы М. Н. Семеновъ узналъ о Высочайшемъ утвержденіи изъ распоряженія о закрытіи журнала, то, конечно, онъ иска не предъявлялъ бы; слѣдовательно, всѣ издержки его по первому иску (400 руб. судебн. пошлины и 16 руб. другихъ расходовъ по предъявленію иска) вызваны тѣмъ, что члены совѣщанія избрали неправильную форму извѣщенія Семенова объ основаніяхъ воспослѣдовавшаго распоряженія.

Въ отвѣтныхъ бумагахъ на этотъ искъ, представленныхъ въ Сенатъ со стороны министра юстиціи Н. В. Муравьева и оберъ-прокурора Свят. Синода К. П. Побѣдоносцева, доказывается, что и этотъ новый искъ построенъ на неправильномъ толкованіи закона и на невѣрныхъ фактическихъ данныхъ. Прежде всего отвѣтчики, ссылаясь на соображенія, изложенныя въ отвѣтахъ по первому иску, проводятъ то положеніе, что распоряженіе совѣщанія министровъ о прекращеніи журнала „Новое Слово“ и не могло послужить основаніемъ предъявленія иска объ убыткахъ; первоначальный искъ былъ незаконный въ существѣ своемъ и слѣдов. требованія о возмѣщеніи расходовъ по предъявленію его не могутъ быть признаны правильными.

Кромѣ того, какъ это вполне опредѣлительно выяснено въ отвѣтныхъ бумагахъ по первому иску, распоряженіе о прекращеніи журнала послѣдовало исключительно на основаніи постановленія особаго коллегіи и въ силу дискреціонной власти, ей присвоенной. О мѣрѣ этой было доведено до свѣдѣнія Государя Императора въ порядкѣ отчетности о текущей дѣятельности министровъ; послѣдовало Высочайшее одобреніе принятой мѣры, которое только по недоразумѣнію можетъ быть смѣшиваемо съ Высочайшимъ ея утвержденіемъ; поему о собственно, ручной надписи Его Императорскаго Величества министръ вн. дѣлъ не былъ обязанъ доводить до свѣдѣнія издателя журнала, и слѣдовательно на этомъ неизвѣщеніи не могутъ быть основываемы какія бы то ни было исковыя требованія.

Въ засѣданіи Соединен. присутствія I-го и Гражд. кас. депар. прис. пов. А. А. Никоновъ, поддерживая искъ свой, указалъ прежде всего на то, что во всякомъ случаѣ объявленіе М. Н. Семенову путемъ отвѣтной бумаги о Высочайшемъ одобреніи принятой мѣры могло имѣть одинъ результатъ; отказъ М. Н. Семенова отъ предъявленнаго иска. Что Высочайшая надпись имѣла значеніе *утвержденія* принятой особымъ совѣщаніемъ мѣры и въ глазахъ самихъ отвѣтчиковъ, видно изъ того, что совѣщаніе состоялось 10 декабря, журналъ совѣщанія былъ повергаемъ на Высочайшее благовозрѣніе 14 декабря, а распоряженіе опубликовано было 17 декабря; слѣдовательно выводъ Семенова о томъ, что самое исполненіе мѣры ставилось въ зависимость отъ Высочайшаго согласія, не представляется простымъ недоразумѣніемъ. Выводъ этотъ подтверждается еще и тѣмъ, что сами отвѣтчики въ своихъ отвѣтныхъ бумагахъ, копию съ которыхъ преданазначили для истца, сочли возможнымъ и нужнымъ указать на Высочайшую надпись на журналѣ совѣщанія.

Ис. об. оберъ-прокур. сенаторъ Н. Н. Мясоѣдовъ въ

своемъ заключеніи находилъ, что члены совѣщанія не допустили при объявленіи М. Н. Семенову о вѣдѣвшемъ распоряженіи о закрытіи „Новаго Слова“ никакой неправильности; по смыслу прим. къ ст. 148 уст. о цен. мѣра, принимаемая коллегіей, не требуетъ особыхъ Высочайшихъ повелѣній, этимъ и рѣшается вопросъ о толкованіи значенія Высочайшей надписи на журналѣ совѣщанія. Въ виду этого и. об. оберъ-прокурора полагалъ въ искѣ М. Н. Семенову отказать.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ: въ искѣ М. Н. Семенову отказать.

II.

Дѣло издателя газеты: «Работникъ» В. С. Кульженко съ б. Начальникомъ главнаго управления по дѣламъ печати Соловьевымъ.

Въ 1896 г. чиновникъ М. М. Нейманъ продалъ купцу В. С. Кульженко право изданія газеты „Работникъ“, выходящей въ г. Киевѣ съ разрѣшенія главнаго управ. по дѣламъ печати подъ редакціей Неймана. Согласно ст. 122 уст. о цен. (прежней редакціи) о переходѣ права собственности на изданіе своевременно было увѣдомлено главное управленіе по дѣламъ печати. Одновременно съ этимъ новый издатель Кульженко возбудилъ передъ главнымъ управленіемъ самостоятельное ходатайство объ измѣненіи названія газеты, о расширеніи программы ея, о повышеніи подписной платы и о назначеніи новымъ редакторомъ г. Николаева. Главное управленіе по дѣламъ печати отношеніемъ отъ 27 апрѣля 1897 г. увѣдомило Кульженко, что министръ вн. дѣлъ призналъ все эти ходатайства неподлежащими удовлетворенію. „Въ виду сего, пишетъ главное управленіе въ этомъ извѣщеніи: „установленное на право печатанія газеты „Работникъ“ свидѣтельство на имя г. Кульженко можетъ быть выдано лишь по утвержденіи редактора для этой газеты“.

Находя послѣднее распоряженіе неправильнымъ и противорѣчащимъ ст. 223 уст. о цензурѣ, В. С. Кульженко черезъ своего повѣреннаго прис. пов. А. А. Никонова предъявилъ къ б. начальнику главнаго управления по дѣламъ печати М. П. Соловьеву искъ о возмѣщеніи ему убытковъ, вызванныхъ этимъ распоряженіемъ, которое лишило его, Кульженко, возможности осуществлять принадлежащее ему право изданія газеты „Работникъ“. Соображенія истца, развитыя имъ въ исковомъ прошеніи и въ объясненіяхъ А. А. Никонова передъ Правит. Сенатомъ, сводятся къ слѣдующему: С. Кульженко приобрѣлъ право собственности на изданіе „Работникъ“, о чемъ онъ и извѣстилъ гл. управленіе по печати. Это извѣщеніе имѣло совершенно самостоятельный характеръ; оно указывало, что всѣ права Неймана, какъ издателя, перешли къ Кульженко съ момента заключенія нотаріальнаго акта. Изъ этого акта видно также, что Нейманъ обязался и подписывать, въ качествѣ редактора, газету впредь до утвержденія новаго редактора. Такимъ образомъ положеніе изданія было таково; издателемъ былъ Кульженко, редакторомъ Нейманъ, газета, какъ это видно изъ приобщенныхъ къ дѣлу по ходатайству истца номеровъ „Работника“, выходила за это время, отъ заключенія акта до полученія распоряженія главнаго управленія, по прежней программѣ и такимъ образомъ Кульженко осуществлялъ свое издательское право въ томъ объемѣ, въ какомъ оно было приобретено имъ отъ Неймана. Очевидно, что изъ совершенно самостоятельнаго ходатайства Кульженко о расширеніи программъ и объ утвержденіи новаго редактора никакъ нельзя было вывести заключенія, что если не будетъ утвержденъ новый редакторъ, то Кульженко отказывается отъ изданія газеты по прежней программѣ. Главное управленіе сдѣлало такой выводъ и въ виду отклоненія ходатайства лишило Кульженко безъ всякаго законнаго основанія права на приобретенное имъ изданіе, от-

казавъ въ выдачѣ свидѣтельства на выпускъ газеты въ прежнемъ ея видѣ. По этимъ соображеніямъ повѣренный Кульженко А. А. Никоновъ просилъ о присужденіи въ пользу его довѣрителя 2011 руб. (2000 руб. заплаченныхъ за право изданія Нейману и 11 руб. за гербовую бумагу) съ судебными и за веденіе дѣла издержками.

Ис. об. оберъ-прокурора сен. Н. Н. Мясоѣдовъ призналъ основанія иска вполне правильными: министръ вн. дѣлъ отклонилъ только ходатайство Кульженко о расширеніи программы изданія; никакого распоряженія о прекращеніи изданія „Работникъ“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выходилъ подъ редакціей Неймана, не послѣдовало со стороны г. министра, и выводъ въ этомъ смыслѣ начальника главнаго управленія представляется неправильнымъ и вся отвѣтственность за это распоряженіе должна пасть на отвѣтника.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ: въ искѣ Кульженко отказать.

III.

Неявка истца при условіяхъ, предум. п. 2 ст. 718 уст. гр. суд., служитъ ли основаніемъ прекращенія дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ предъявленъ къ должностному лицу въ порядкѣ ст. 1316 и слѣд. уст. гражд. суд.?

Во время рабочихъ безпорядковъ въ Максвелевской мануфактурѣ рабочей Сергѣевъ получилъ отъ чиновъ полиціи, которыми распоряжался приставъ столичной полиціи Барачъ, увѣче (отъ удара нагайкой лишился зрѣнія); вслѣдствіе чего Сергѣевъ предъявилъ искъ къ Барачу о вознагражденіи въ суммѣ 1200 руб. въ СПб.-судеб. палатѣ черезъ повѣрен. своего прис. пов. В. И. Добровольскаго. Въ засѣданіи, назначенное для доклада дѣла въ суд. палатѣ, истецъ и его представитель не явились, и судебн. палата прекратила дѣло согласно 2 п. ст. 718 уст. гр. суд. На опредѣленіе это прис. пов. В. И. Добровольскій принесъ въ граж. кас. деп. жалобу, въ которой доказываетъ непримѣнимость правила 2 п. ст. 718 уст. гр. суд. къ искамъ, рассматриваемымъ въ порядкѣ ст. 1316 и слѣд. уст. гражд. суд. Соображенія жалобщика таковы: искъ къ должностнымъ лицамъ за вредъ и убытки, причиненные неправильными ихъ распоряженіями, рассматриваются согласно 1316 ст. уст. гр. суд. по общимъ правиламъ гражд. судопр. съ тѣми однако изыятіями, которыя установлены въ статьяхъ, слѣдующихъ за 1316-ой. Въ числѣ этихъ статей находится и ст. 1324 уст. гр. суд., которая говоритъ: стороны, присутствуя при докладѣ, *допускаются* къ представленію словесныхъ объясненій. Изъ самаго помѣщенія этого правила въ этомъ раздѣлѣ ясно, что стороны *могутъ* представлять свои объясненія, но это не обязательно, ибо если бы явка сторонъ имѣла такое же значеніе, какъ въ обыкновенномъ гражд. процессѣ, то упоминаніе о томъ, что они допускаются къ объясненіямъ, было бы лишено всякаго смысла. Этотъ взглядъ подтверждается и тѣмъ еще, что выраженія ст. 1324 уст. гражд. суд. повторяются въ ст. 768 уст. гр. суд. и ст. 920 уст. уг. суд. когда нѣтъ сомнѣній, что явка и объясненія сторонъ составляютъ право, которымъ стороны могутъ пользоваться или не пользоваться по своему усмотрѣнію безъ всякаго вліянія на ходъ дѣла.

Эти соображенія развивалъ прис. пов. В. И. Добровольскій и въ своихъ устныхъ объясненіяхъ Прав. Сенату.

Ис. об. оберъ-прокурора, сенаторъ Н. Н. Мясоѣдовъ, раздѣляя взглядъ жалобы, высказалъ въ подтвержденіе его и то соображеніе, что при искахъ, предум. ст. 1316 и слѣд. уст. гр. суд., нельзя постановлять заочныхъ рѣшеній, слѣд. явкъ сторонъ не придается значенія

Правит. Сенатъ опредѣленіе С-Петербургской суд. палаты о прекращеніи дѣла по иску Сергѣева съ

Барача отмѣнилъ, предписавъ палатѣ войти въ разсмотрѣніе иска по существу.

Хроника

Министры: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 22-го сего декабря, постановили: совершенно прекратить изданіе газеты „Сѣверный Курьеръ“, выходящей въ свѣтъ въ С.-Петербурѣ.

По жалобѣ на Саранульскую гор. думу Пр. Сенатъ разъяснилъ, что дума вправѣ путемъ **обязательнаго постановленія** опредѣлить порядокъ и способъ очистки помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ, а равно требованія, коимъ должны подчиняться занимающіеся этимъ промысломъ лица. Но установленіе особаго въ доходъ города сбора съ лицъ, занимающихся очисткою нечистоты является неправильнымъ, ибо по неоднократнымъ разъясненіямъ Сената путемъ обяз. постановленій не можетъ быть устанавливаемо никакихъ платъ или сборовъ въ доходъ гор. кассы (18 декабря 13300).

По жалобѣ на постановленіе Барской гор. думы Пр. Сенатъ вновь подтвердилъ, что **повышеніе оцѣнки отдѣльныхъ имуществъ** не можетъ быть допущено лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ нарушается равнобѣрность обложенія даннаго имущества сравнительно съ прочими, а именно, когда оцѣнка отдѣльныхъ имуществъ, неизмѣнившихся притомъ въ своемъ составѣ, повышается безъ производства общей переоцѣнки имуществъ въ уѣздномъ городѣ (20 декабря 13315).

По жалобѣ на Херсонское губ. по з. и г. дѣламъ присутствіе Пр. Сенатъ разъяснилъ, что губернское по гор. дѣламъ присутствіе не вправѣ принимать непосредственно къ своему разсмотрѣнію **жалобу частныхъ лицъ на распоряженіе городской управы** о недопущеніи ихъ къ торгамъ на отдачу въ аренду городскихъ земель (20 декабря 13310).

По жалобѣ Ковенскаго гор. головы Пр. Сенатъ разъяснилъ, что заключая **договоръ съ гор. управой**, частное лицо вступаетъ въ договорныя отношенія не съ отдѣльными должностными лицами, составляющими управу, а съ городскимъ общественнымъ управленіемъ, которое и является по договору ответственнымъ (13051).

По жалобѣ Чериковской гор. думы Пр. Сенатъ разъяснилъ, что огородъ при тюрьмѣ, приносящій доходъ, и квартирныя помѣщенія, занятія тюремными надзирателями, не подлежатъ изыятію отъ обложенія **городскимъ оцѣночнымъ сборомъ** (ук. 11 декабря 13052).

Пр. Сенатъ призналъ, что лѣсъ, представляющій очередную лѣсообѣдку, какъ неотдѣленный отъ земли, считается имуществомъ недвижимымъ и потому для

дѣйствительности **постановленія города** объ отчужденіи такового необходимо присутствіе въ засѣданіи думы установленнаго 71 ст. гор. пол. количества гласныхъ (указъ 11 декабря № 13053).

Юридическій факультетъ Томскаго университета просить насъ напечатать нижеслѣдующія **правила о преміи имени А. М. Сибирякова**. 1. При Императорскомъ Томскомъ университетѣ учреждена премія изъ % денегъ съ капитала въ 16500 руб., пожертвованнаго пот. поч. гр. А. М. Сибиряковымъ и хранящагося въ числѣ специальныхъ средствъ Имп. Т. университета. 2. Въ соисканіи преміи могутъ участвовать оригинальныя на рускомъ языкѣ историческія сочиненія о Сибири, а именно такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ или общую исторію всего края или отдѣльныхъ его частей, а также исторію сибирскихъ племенъ, гражданскаго быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія и т. д. Къ соисканію преміи допускаются также и научныя изданія сборниковъ историческихъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ. 3. Первое присужденіе преміи Т. университетомъ будетъ проходить въ 1901 г. Авторы, желающіе участвовать въ ея соисканіи, должны доставлять свои сочиненія не позже 1-го января того же года въ юрид. факультетъ Имп. Т. университета. 4. Изъ печатныхъ сочиненій къ соисканію преміи принимаются лишь такія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе пяти лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсному. 5. Рукописныя сочиненія, представляемая къ соисканію преміи, должны быть написаны четко и чисто. Авторамъ ихъ предоставляется или выставить свое имя на самой рукописи, или скрыть его въ приложенномъ къ ней особомъ пакетѣ, подъ девизомъ. 6. Премія за рукописное сочиненіе выдается автору лишь по представленіи имъ въ Юрид. факультетъ экземпляра отпечатаннаго сочиненія. 7. Юрид. факультету Имп. Т. университета предоставляется право увѣличивать преміей въ нижеуказанные сроки также сочиненія и не представленные на конкурсѣ. Сочиненія, представляемая на соисканіе преміи, могутъ быть передаваемы факультетомъ на разсмотрѣніе специалистовъ по разнымъ историческимъ вопросамъ, не состоящихъ профессорами Т. университета. 8. Члены Юрид. факультета, представившіе сочиненіе на конкурсѣ, не участвуютъ въ присужденіи преміи. 9. Право на полученіе преміи имѣетъ лишь авторъ или его наслѣдники, но отнюдь не издатель увѣщаннаго сочиненія. 10. Размѣръ преміи опредѣляется въ 1000 руб., половинный размѣръ въ 500 рублей. 11. Если въ назначенный срокъ премія не будетъ присуждена, то накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу. 12. Присужденіе преміи производится чрезъ каждые три года юрид. факультетомъ Имп. Т. университета въ теченіе сентября мѣсяца соотвѣтствующаго года; постановленіе факультета объ объявленіи на торжественномъ актѣ Т. университета 22-го октября того же года. 13. Печатаніе рецензій о сочиненіи, которому присуждается премія, въ унив. извѣстіяхъ, а также объявленія о конкурсѣ на премію имени Сибирякова, производится за счетъ остатковъ отъ процентовъ послѣ присужденія преміи.

На происходивших 19 декабря выборах в совет присяжных повременных Московской суд. Палаты избранными оказались 11 лиц: А. А. Крюковъ, С. А. Муромцевъ, П. А. Столповскій, В. А. Копперъ, А. А. Никольскій, А. В. Лешковъ, Д. Н. Доброхотовъ, С. И. Филатовъ, В. И. Тапъевъ, В. П. Кобранъ, и Н. А. Вокачъ. Предсѣдателемъ совета избранъ А. А. Крюковъ и товарищемъ предсѣдателя— С. А. Муромцевъ.

Намъ сообщаютъ, что 14 декабря въ тифлисской суд. палатѣ слушалось дѣло по обвиненію тов. предсѣдателя эриванскаго окр. суда Бытинскаго въ нерадѣніи по службѣ. Г. Бытинскій преданъ былъ суду по опредѣленію соединеннаго присутствія 1 и кассационныхъ департаментовъ сената по обвиненію въ томъ, что: 1) приговоръ эрив. окр. суда, вступившій въ законную силу 17 октября 1898 года въ отношеніи 10 подсудимыхъ, осужденныхъ къ денежному взыскаінію въ 30 р. или, въ случаѣ несостоятельности, къ аресту на 7 дней и заключенныхъ подъ стражу, былъ обращенъ имъ, В., къ исполненію лишь 9-го декабря и 2) что, получивъ 18 января 1899 года переписку о несостоятельности этихъ подсудимыхъ, онъ, В., не сдѣлалъ надлежащаго распоряженія объ освобожденіи ихъ изъ-подъ стражи, послѣдствіемъ чего было неправильное содержаніе ихъ подъ стражей до 16 іюня 1899 г., каковаго числа они были освобождены лишь вслѣдствіе полученія эриванскимъ окр. судомъ запроса тифлисскаго суд. палаты. Палата приговорила г. В. къ выговору со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Въ выѣздной сессіи Омской судебной палаты разсмотрѣно дѣло по обвиненію мир. судьи Змѣиног. у. Цвиллинскаго въ медленности по службѣ (411 и 336 ст. улож. о нак.). Судебныя ревизіи обнаружили много фактовъ, рисующихъ запущенность дѣлопроизводства у означеннаго судьи; напр.: по году не получили движенія уголовныя дѣла, обвиняемые по которымъ содержались въ тюрьмахъ, по 6 мѣсяцевъ не представлялись апелляціонныя жалобы и пр. Палата признавъ Цвиллинскаго виновнымъ, приговорила его къ менѣе строгому выговору со внесеніемъ въ формуляръ и съ сообщеніемъ о состоявшемся приговорѣ Пр. Сенату.

(С. Ж.).

Въ минскомъ окружномъ судѣ 18-го декабря слушалось дѣло о поджогѣ. На скамьѣ подсудимыхъ очутились полу-слѣпой, глухой, дряхлый, калѣка, нищій 78-ми лѣтъ. Какъ видно изъ обв. акта, 28-го сентября 1899 г. къ жительницѣ м. Камень Цофинѣ явился нѣкто К. Романъ въ 11 ч. в., разбудилъ ее и сказалъ, что нищій этого мѣстечка Менеку намѣревается поджечь ея сарай, почему сыновья Цофинѣ выбѣжали на дворъ и у сарая на огородѣ увидѣли Менека, сходявшаго съ бревенъ, и задержали его. Услышавъ подозрительный запахъ и увидя дымъ, они взобрались на крышу сарая и тамъ обнаружили глѣвную въ соломѣ тряпку. Огонь былъ потушенъ. Свидѣтель Романъ удостовѣрилъ, что видѣлъ, какъ Менеку

перелѣзъ черезъ довольно высокій заборъ дома Цофина и, раздувъ огонь, поджечь тряпки и бросилъ ихъ на соломенную крышу. Когда его, Менека, хотѣли задержать, онъ вынулъ ножъ и угрожалъ имъ всѣмъ, кто ни подходилъ. Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, Менеку далъ весьма неопредѣленные показанія, отрицая свою вину и говоря, что на него это взвелъ Романъ, который, взявши его проводить, какъ слѣпаго, завелъ въ огородъ. На судѣ обвиняемый, какъ слѣдно, не сознавалъ даже, въ чемъ его обвиняютъ, и по глухотѣ и слѣпотѣ былъ совершенно индифферентенъ ко всему происходившему, хотя нѣкоторые свидѣтели объяснили, что Менеку больше притворяется такимъ, чѣмъ онъ есть на дѣлѣ. Присяжные засѣдатели признали его невиновнымъ.

(Минск. Л.).

1 декабря въ красноярскомъ судѣ разсматривалось дѣло о клеветѣ. Въ числѣ свидѣтелей былъ между прочимъ вызванъ и одинъ изъ сотрудниковъ газеты „Енисей“—г. Скорняковъ, который, когда дошла очередь его допроса, отъ принятія присяги отказался.

Отказъ этотъ г. Скорняковъ мотивировалъ тѣмъ, что принятіе присяги противно его убѣжденіямъ, и что онъ и безъ присяги покажетъ сушую правду. Судъ постановилъ допросить г. Скорнякова безъ присяги, но подъ условіемъ торжественнаго обѣщанія свидѣтеля—показывать сушую правду, какъ бы подъ присягою и съ послѣдствіями, предусмотрѣнными закономъ для ложно-присягающихъ.

По этому же дѣлу отказался отъ присяги и другой свидѣтель, заявившій, что онъ уже однажды присягалъ и потому не находитъ возможнымъ дѣлать этого вторично. Судъ и этого свидѣтеля уволилъ отъ обряда присяги.

Въ камерѣ мирового судьи 4-го участка г. Кіева 16 декабря слушалось дѣло по иску Свирикаго, бывшаго сотрудника „Кіевскаго слова“, къ бывшему товарищу министра финансовъ, т. е. А. Я. Антоновичу, какъ фактическому редактору и издателю „Кіевскаго слова“, въ суммѣ 44 руб. Сумму эту, какъ утверждаетъ г. Свирикскій въ своемъ исковомъ прошеніи, г. Антоновичъ обѣщаль ему уплатить при увольненіи отъ обязанностей сотрудника издаваемой имъ газеты. Въ виду того, что повременный г. Антоновича, секретарь „Кіевскаго слова“ С. В. Миркинъ, заявилъ, что издателемъ газеты является не т. е. А. Я. Антоновичъ, а жена его В. М. Антоновичъ, и что послѣдняя не обязывалась уплатить г. Свирикому исковую сумму, мировой судья постановилъ г. Свирикому отказать (Од. Н.).

Тифлисская суд. палата представила въ третій разъ въ Прав. Сенатъ, въ кассационномъ порядкѣ, дѣло князя Баратова, Тусіева, Оситова и Теръ-Шмова, обвиняемыхъ въ убійствѣ въ состояніи запальчивости. 3 октября 1899 г. подсудимые, возвращаясь въ фаятонѣ послѣ кутежа въ загородномъ ресторанѣ, встрѣтили по дорогѣ дворянина Габоева и Лодабидзе, предложили имъ уступить дорогу, а когда Габоевъ отвѣтилъ бранью, соскочили съ фаятона и набросились

на него, а когда они разбѣжались, то Габоевъ оказался смертельно раненымъ и вскорѣ умеръ. Никто изъ подсудимыхъ не призналъ себя виновнымъ. Окр. судъ приговорилъ Баратова, Тусева и Оситова къ ссылкѣ въ каторжные работы на 4 г., а Теръ-Шмованова оправдалъ, такъ какъ у него во время происшествія не было никакого оружія. Суд. палата, рассмотрѣвъ это дѣло по отзыву подсудимыхъ и протесту прокурора, утвердила приговоръ суда въ отношеніи осужденныхъ обвиняемыхъ и приговорила Теръ-Шмованова къ каторжнымъ работамъ на 4 года. Сенатъ кассировалъ этотъ приговоръ за неустановленіемъ палатою степени участія каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности; при вторичномъ рассмотрѣніи дѣла палата вновь приговорила всѣхъ подсудимыхъ къ тому же наказанію; Сенатъ вновь кассировалъ приговоръ палаты за неподчиненіемъ первому указу Сената; рассмотрѣвъ дѣло въ третій разъ, палата опять осудила всѣхъ подсудимыхъ, но приговорила ихъ къ ссылкѣ на житье. На этотъ послѣдній приговоръ поданы касс. жалобы и дѣло поступило на рассмотрѣніе Сената въ третій разъ.

Въ Херсонскомъ окр. судѣ надняхъ разбиралось дѣло по обвиненію земскаго учителя Коваля и крест. Скальскаго въ томъ, что первый въ ночь на 24 іюня прошлаго года въ с. Михайловкѣ, будучи одѣтъ въ чиновничью форму и сопровождаемый чинами полиціи, прибылъ въ домъ крест. Кучкова, гдѣ, выдавая себя за слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, объявилъ Кучкову, что немедленно долженъ арестовать его по возникшему противъ послѣдняго обвиненію въ ростовщичество; на просьбу же Кучкова оставить его на свободѣ Коваль потребовалъ залога въ 1,000 руб. и, получивъ таковыя, увезъ ихъ съ собой. Второй подсудимый Скальскій обвиняется въ томъ, что намѣренно выдавалъ хорошо извѣстнаго ему Ковалю за судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, благодаря чему послѣднему удалось совершить обманное похищеніе денегъ.

Коваль многіе годы состоитъ земскимъ учителемъ въ с. Ново-Михайловкѣ, пользовался симпатіями и авторитетомъ у громады. Благодаря этому авторитету, Коваль убѣдилъ об-во выстроить и облагородить помѣщеніе для земской школы; затѣмъ по его личной инициативѣ и энергіей создано въ селѣ Н.-Михайловкѣ ссудо-сберегательное товарищество. На это и ссылался подсудимый Коваль, отрицавшій свою причастность къ инкриминируемому дѣянію и указывавшій, что Кучковъ указалъ на него по враждѣ за то, что онъ открылъ это ссудо-сберегательное товарищество и тѣмъ устранилъ необходимость для крестьянъ обращаться за ссудой къ деревенскому „благодѣтелю“ Кучкову. Коваль еще молодой человѣкъ, 32 лѣтъ, симпатичной наружности; онъ женатъ, причемъ жена его также состояла учительницей въ той же школѣ.

Скальскій также отрицалъ свою виновность.

Перекрестный допросъ свидѣтелей совершенно разрушилъ улики обвинительнаго акта. На судѣ обнаружены недочеты въ веденіи слѣдствія по этому дѣлу, направленнаго по ложному пути. Показанія пристава Даненберга выясняютъ причастность къ дѣлу также и многихъ другихъ лицъ, которыхъ указывалъ свидѣтель

слѣдователю. Присяжные засѣдатели вынесли обоимъ подсудимымъ оправдательный вердиктъ.

(Сар. Дн.).

На дняхъ въ Горбатовѣ получено извѣщеніе объ отмѣнѣ нижегор. губ. присутствіемъ приговора уѣзднаго съѣзда по обвиненію крест. Угольниковъ, въ **проступкѣ, предусмотрѣнномъ 29-й ст. уст. о нак.** Обстановка этого дѣла такова: Обыватели деревни Шуклина принадлежатъ къ расколу. Въ эту деревню прибылъ начетчикъ, нѣкто Антипинъ, остановившійся въ домѣ Угольниковъ. По поводу прибытія Антипина въ домъ Угольниковъ собралось значительное число крестьянъ. Въ то же время къ дому Угольниковъ пришелъ урядникъ съ мѣстнымъ священникомъ и православнымъ миссіонеромъ. Урядникъ требовалъ отъ Угольниковъ, чтобы послѣдній впустилъ къ себѣ въ домъ его, урядника, а также священника и миссіонера; но Угольниковъ отказался исполнить такое требованіе и за это былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 29-й ст. На разбирательствѣ со стороны обвиненія доказывалось, что урядникъ, требуя впуска въ домъ, желалъ удостовѣриться въ цѣли собранія раскольниковъ и въ томъ, цензурныя ли были въ собраніи раскольниковъ книги. Угольниковъ же утверждалъ, что онъ не отказывался впустить къ себѣ въ домъ одного урядника, но не допускалъ лишь священника и миссіонера, которые желали бесѣдовать съ начетчикомъ. Угольниковъ уѣзднымъ съѣздомъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ по 29-й ст. къ штрафу. Пересмотръ этого дѣла губернское присутствіе поручило семеновскому уѣздному съѣзду (Н. Л.).

Недавно въ выѣздную сессію пермскаго окр. суда въ Осѣ вызванный по одному дѣлу въ качествѣ свидѣтеля ст. приставъ не пожелалъ находиться вмѣстѣ съ другими свидѣтелями—крестьянами въ одной комнатѣ. Предсѣдательствующій (впрочемъ, безъ совѣщанія съ членами суда), выслушавъ докладъ судебного пристава о претензій становаго, распорядился помѣстить послѣдняго не вмѣстѣ съ прочими свидѣтелями, а въ канцелярію уѣзднаго съѣзда. (Сар. Дн.).

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

ХАРЬКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

21 декабря 1900 года послѣдовало открытіе при мѣстномъ университетѣ ректоромъ его проф. Г. И. Лагермаркомъ новаго ученаго общества—юридическаго. Такимъ образомъ, заполненъ, наконецъ, существенный пробѣлъ въ научной жизни здѣшняго университета и созданъ органъ, въ которомъ должны соединиться въ дружной совмѣстной работѣ мѣстныя юридическія силы, какъ теоретическаго, такъ и практическаго призванія. Мы говоримъ: „наконецъ“, потому что Харьковъ, въ этомъ отношеніи, сильно и, можетъ быть, даже непротестительно отсталъ отъ всѣхъ другихъ университетскихъ и многихъ не университетскихъ городовъ. Какъ извѣстно

ученыя юридическія общества существуютъ и дѣйствуютъ не только въ Кіевѣ, Одессѣ, Казани, Варшавѣ, но даже въ Тифлисѣ, Екатеринославѣ, Курскѣ и др. Да и среди другихъ факультетовъ мѣстнаго университета Харьковскій юридическій факультетъ занималъ въ этомъ отношеніи изолированное положеніе не въ свою пользу.

Учредителями общества явились 38 лицъ—почти всѣ профессора и приватъ-доценты юридического факультета, представители суда и прокураторы, а также присяжные повѣренные. 18 изъ этихъ учредителей, явившіеся на собраніе 21 декабря (6 университетскихъ, 6 судейскихъ и 6 присяжныхъ повѣренныхъ) и послужили ядромъ вновь образовавшагося общества. По открытіи засѣданія ректоромъ университета и по обсужденіи нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ, приступлено было къ выбору (закрытой баллотировкой) состава совѣта общества, причѣмъ избранными, по большинству голосовъ, оказались: предѣтелемъ совѣта—*Н. О. Куплеваскій* (профессоръ государственнаго права), товарищемъ его—*И. М. Тютрюмовъ* (членъ судебной палаты); членами совѣта—*В. Ф. Левитскій* (профессоръ полицейскаго права), *Р. П. Падеревскій* (прис. повѣр.), *Я. М. Затворницкій* (членъ суда), *А. Ф. Даниловичъ* (прис. повѣр.) и *Н. А. Гредескулъ* (приватъ-доцентъ по гражданскому праву).—Послѣ избранія предѣтатель совѣта проф. Н. О. Куплеваскій, благодаря присутствующихъ за оказанное ему довѣріе, высказалъ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, цѣлью стремленій всякаго юриста, какъ теоретика, такъ и практика, должно быть поддержаніе въ жизни силы закона и законнаго порядка вмѣстѣ съ охраной правъ личности, и что эта же цѣль должна быть положена и въ основу дѣятельности харьковскаго юридическаго общества, почтившаго его своимъ избраніемъ; по крайней мѣрѣ онъ, какъ предѣтатель общества, будетъ всегда направлять его именно въ эту сторону. Съ своей стороны, товарищъ предѣтателя членъ палаты И. М. Тютрюмовъ, также благодаря за избраніе, высказалъ, что онъ видитъ основаніе оказанной ему чести въ томъ, что онъ является представителемъ судебного сословія, что общество, выбирая его въ товарищи къ предѣтателю—профессору университета, какъ бы выразило этимъ свое убѣжденіе въ необходимости соединенія въ дѣятельности общества юридической теоріи съ юридической практикой; такое соединеніе и онъ, г. Тютрюмовъ, считаетъ безусловно желательнымъ, и достиженіе его, по его мнѣнію, обезпечить съ одной стороны жизненность, а съ другой—научную высоту будущей дѣятельности общества.—По обсужденіи еще нѣкоторыхъ вопросовъ, общее собраніе было закрыто, и тотчасъ за нимъ послѣдовало засѣданіе вновь избраннаго совѣта; послѣдній выбралъ своимъ секретаремъ прив.-доц. Н. А. Гредескула и рѣшилъ въ концѣ января новаго года устроить торжественное собраніе, которое послужило бы началомъ активной дѣятельности общества.

Въ заключеніе, считаемъ интереснымъ привести главнѣйшія положенія устава, утвержденного г. министромъ народнаго просвѣщенія, на основаніи и въ пре-

дѣлахъ котораго будетъ дѣйствовать вновь народившееся общество.

Цѣль общества—состоитъ въ разработкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права и въ распространеніи юридическихъ свѣдѣній. Для достиженія этой цѣли общество имѣетъ право устраивать періодическія собранія, издавать свои протоколы, отчеты, записки, а также юридическія изслѣдованія и сочиненія, назначаетъ преміи за составленіе или изданіе юридическихъ сочиненій, актовъ и матеріаловъ; съ надлежащаго разрѣшенія, можетъ снаряжать экспедиціи для изученія или собранія юридическихъ обычаевъ, устраивать публичныя лекціи, собирать съѣзды русскихъ юристовъ и принимать другія мѣры, которыя будутъ имъ признаны необходимыми для разработки права и распространенія юридическихъ свѣдѣній.

Общество можетъ быть раздѣляемо на отдѣленія: гражданскаго права, уголовнаго права, государственнаго и административнаго права, обычнаго права, статистическое и другія. Общество состоитъ изъ членовъ: почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и сотрудниковъ. Дѣйствительными членами могутъ быть лица, занимающіяся ученою или практическою юридическою дѣятельностью. Дѣйствительные члены выбираются на общихъ собраніяхъ *закрытой баллотировкой* по предложенію не менѣе двухъ членовъ, прошедшему черезъ совѣтъ общества. Дѣлами общества управляетъ совѣтъ, состоящій изъ предѣтателя, товарища его, четырехъ членовъ, казначея, избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ, и секретаря, избираемаго самимъ совѣтомъ.

Публичность засѣданій общества ограниченная: постороннія лица вводятся на собранія дѣйствительными членами общества съ согласія предѣтателя.

Библиографія

Вѣстникъ Права, ноябрь № 9.

Е. Н. Тарновскій: *Статистика преступности лицъ дворянскаго сословія.*

За пятилѣтіе 1889—1893 гг. было осуждено дворянъ 4790 чел. (ежегодно около 1000 чел. въ общихъ судахъ и отъ 20—30 въ мировыхъ). Главнѣйшими преступленіями для дворянъ являются сопротивленіе властямъ, оскорбленіе властей, служебныя пр. и кража въ различныхъ ея видахъ (вмѣстѣ взятыя 58,6‰). Затѣмъ нѣсколько чаще, чѣмъ въ остальномъ населеніи, встрѣчаются лжесвидѣтельство, разнаго рода подлоги и нищенство (при помощи обмана или вымогательства). Имущественныя преступленія, не соединенныя съ обманомъ, среди дворянъ развиты гораздо слабѣе, чѣмъ въ остальномъ населеніи. Причины, опредѣляющія развитіе различныхъ видовъ преступности дворянскаго сословія, обладаютъ большою устойчивостью и сравнительно мало измѣнились со времени тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Поединки почти всецѣло происходятъ въ дворянской средѣ.

Преступность дворянокъ, по сравненію съ общей женской преступностью въ Россіи, не представляетъ

особых отличий (наибольшие цифры — в прест. против жизни и против нравственности).

Неслужащее дворянство преимущественно впадает в столкновение с властями. Чиновники монополизировать должностную преступность.

Сравнение преступности русского дворянства с преступностью польского приводит автора к выводу, что последняя иметъ „еще болѣе дворянскій благородный“ „характеръ, чѣмъ собственно въ Россіи.“

Относительная преступность дворянъ по судебнымъ округамъ не представляетъ особенно выдающихся отклоненій отъ средняго уровня, за исключеніемъ только Петербургской губерніи, в которой преступность дворянъ значительно ниже средней.

„Въ известной мѣрѣ, говорить въ заключеніе авторъ, возможно утверждение, что преступность высшихъ слоевъ нашего государственнаго строя все таки представляетъ шагъ впередъ, по сравненію съ преступностью низшихъ классовъ.“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится признать, что успѣхъ этотъ еще не особенно значителенъ и не соответствуетъ тому выдающемуся положенію, которое занимало и занимало дворянство въ нашей государственной и общественной жизни.

В. М. Гордонъ. *Къ ученію объ искѣ о признаніи.*

Среди измѣненій, вносимыхъ въ нашъ гр. процессъ проектомъ новой редакціи уст. гр. судопр., заслуживаетъ вниманія введеніе новаго рода исковъ — о признаніи наличности или отсутствія того или другаго правоотношенія (Feststellungsklage).

Съ точки зрѣнія дѣйствующаго уст. гр. судопр., при отсутствіи правонарушенія, не можетъ быть рѣчи и о правѣ на искъ (ст. 1). Въ жизни однако бываетъ часто такое стеченіе обстоятельствъ, что субъекту даннаго права весьма важно установить самый фактъ его существованія, не предъявляя никакихъ другихъ требованій, ибо нарушеніе его права можетъ причинить ему вредъ невознаградимый, такъ что предъявленіе иска послѣ нарушенія окажется уже безцѣльнымъ.

Авторъ даетъ довольно полный очеркъ научной разработки вопроса на западѣ и на основаніи анализа института приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Цѣль всѣхъ исковъ одна и та же — охрана юридическаго равновѣсія. Различаются они лишь по содержанію: искъ о признаніи является, такъ сказать, мѣрой профилактической, предупреждающей нарушеніе права, а искъ о присужденіи возстановляетъ уже нарушенное.

2) Предметомъ иска о признаніи является фиксированіе существованія права, а изъ области фактовъ — подлинность документовъ.

3) Условіемъ предъявленія иска о признаніи слѣдуетъ считать наличность всякаго обстоятельства, создающаго интересъ въ немедленномъ судебномъ подтвержденіи даннаго правоотношенія или права. или подлинности документа.

4) Искъ о признаніи не есть искъ о присужденіи отвѣтки къ признанію, а подѣ признаніемъ разумѣется лишь подтвержденіе со стороны самаго суда.

5) Иски о признаніи дѣлятся на позитивные и негативные; въ первыхъ истцомъ является субъектъ права, во вторыхъ — субъектъ обязанности. Предъявленіе негативнаго иска создаетъ матеріально такое же положеніе дѣла и сторонъ, какъ и искъ позитивный. Но въ послѣднемъ случаѣ защищается активный участникъ правоотношенія, а въ первомъ — пассивный, на случай обращенія къ нему неосновательныхъ требованій.

А. В. Лонгиновъ. *Значеніе судебника царя Феодора Иоанновича 1589 г.*

Комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ изданъ недавно вновь открытый законодательный памятникъ, которому и посвящена настоящая статья.

Авторъ находитъ въ Судебникѣ царя Феодора то отличіе, что въ составленіи его участвовали, кромѣ всѣхъ князей и бояръ, представители духовенства, чѣмъ и объясняется запрещеніе по 201 ст. приписывать къ нему новыя дѣла. Новый Судебникъ отличается живымъ и доступнымъ каждому языкомъ и помогаетъ прослѣдить развитіе древнерусской юридической терминологіи со временъ Русской Правды. Кромѣ того, новый Судебникъ даетъ возможность ориентироваться въ чтеніи такихъ мѣстъ прежнихъ законодательныхъ памятниковъ, которые донныя оставались непонятными.

Въ Судебникѣ содержится далѣе весьма дѣльное доказательство неуклоннаго довѣрія московскаго правительства къ народному правосудію: въ немъ подтверждены были и распространены на всю Россію правила объ обязательномъ участіи выборныхъ мужей въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ.

Благодаря вновь открытому памятнику, намъ открывается болѣе широкое поприще наблюденія надъ институтомъ судныхъ мужей, обрядомъ обыска, столь близкаго по существу къ общинному суду, для изученія котораго сохранилось мало архивныхъ матеріаловъ въ сѣверной и восточной Россіи.

Съ содержаніемъ вновь открытаго памятника знакомятъ читателей еще и небольшая замѣтка **С. Шуманова**, помѣщенная въ этой же книгѣ.

М. Абрашевичъ. *О практической и теоретической подготовкѣ судебныхъ дѣателей въ Пруссіи.*

Въ нѣмецкой литературѣ послѣдняго времени весьма оживленно обсуждается вопросъ объ организаціи подготовкы судебныхъ дѣателей на лучшихъ основаніяхъ, такъ какъ всѣ сходятся на томъ, что современное юридическое образованіе и въ университетѣ, и въ практической службѣ не удовлетворяетъ потребностямъ общества.

Такъ какъ у насъ положеніе вещей въ этой области обстоитъ столь же, если еще не болѣе, печально, то авторъ останавливается на предпринимаемыхъ или обсуждаемыхъ въ Пруссіи мѣрахъ, которыя было бы желательно осуществить и у насъ при настоящемъ пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

Нѣкоторые рекомендуютъ начать перестройку съ гимназій, введя въ ихъ курсъ философскую преподавательскую практику, а на юридическихъ факультетахъ преподавать практическую философію. Вообще выражается настоятельная необходимость влить въ университетское преподаваніе свѣжія струи практической жизни „Юриспруденція, говорить Лерингъ, наука практическая, и это должно стать истиной“. Всякое стѣсненіе академической свободы отвергается, но въ тоже время предлагаются мѣры, которыя устраняли бы возможность злоупотребленія ею.

Заканчивая свой обзоръ нѣмецкой литературы по затронутому вопросу, авторъ замѣчаетъ, что государство не должно останавливаться ни передъ какими затрудненіями, встрѣчающимися на пути къ подготовкѣ судебныхъ дѣателей.

Государство должно кореннымъ образомъ измѣнить существующую организацію подготовительныхъ службъ молодыхъ юристовъ и, между прочимъ, отказаться отъ безгражданной эксплуатаціи ихъ дароваго труда.

Я. С. Гольденвейзеръ касается вопроса объ откладаніи резолюцій по гражданскимъ дѣламъ.

Сожалѣя о томъ, что ст. 702 у. г. с. получила на практикѣ широкое примѣненіе, не соответствующее ей характеру исключительности, авторъ находитъ, что и вообще правило 702 ст. является вреднымъ и противорѣчащимъ принципамъ устности и непосредственности, а потому высказывается за отмену этой статьи. Аргументація автора грѣшитъ обобщеніемъ отдѣльныхъ фактовъ, ему известныхъ.

Н. Лебединцевъ. *Въ защиту именихъ судовъ въ губерніи Царства Польскаго.*

Статья эта есть въ сущности отвѣтъ г. Корда-

севичу, помѣтившему въ VI книгѣ (за текущій годъ) „Журнала минист. юстиціи“ статью, направленную противъ гминныхъ судовъ.

Авторъ разбиваетъ всю аргументацію г. Кордаевича и на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ приходитъ къ выводамъ, весьма благоприятнымъ для гминныхъ судовъ. „Неумолима логика цифръ, говорить въ заключеніе авторъ, съ достаточной ясностью доказываетъ, что гминный судъ представляетъ собой судъ популярный, скорый и правый“.

Д. Б. Бзеръ въ статьѣ „Судъ стариковъ и сельскій сходъ“, отмѣчая вносимыя въ послѣднее время стѣсненія самостоятельности сельскаго схода, горячо доказываетъ, что сельскій сходъ не въ состояніи правильно исполнять весьма важныхъ функций, на него возложенныхъ, и что онъ долженъ быть реформированъ, тѣмъ болѣе что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ никогда прежде не существовалъ и не могъ существовать въ Россіи. Реформа должна заключаться въ замѣнѣ его сходомъ выборныхъ крестьянъ стариковъ и должностныхъ лицъ.

СУДЕБНАЯ И СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

1 Департаментъ Пр. Сената.

(Опредленіе законности состава уѣзднаго земскаго собранія).

(Указъ 1 іюня 1899 г. № 5826. 1).

Пр. Сенатъ, нашель, что по ст. 74 пол. о зем. учр. 1890 г., для законности состава засѣданій земск. собранія требуется присутствіе не менѣе половины числа, опредѣленнаго росписаніемъ, прилож. къ ст. 14 пол. Точный смыслъ упомянутой статьи опредѣляетъ только число членовъ земскаго собранія, необходимое для признанія засѣданія собранія законнымъ, но не указываетъ, какимъ правомъ (ст. 14 и 57) должны обладать лица, участіе которыхъ въ земск. собраніи даетъ засѣданіямъ его свойство законности. Изъ сопоставленія же ст. 74 пол. о зем. учр. съ ст. 14 и 57 нельзя не придти къ заключенію, что для опредѣляемой ст. 74 законности состава уѣздн. земск. собраній требуется присутствіе не менѣе половины указаннаго въ росписаніи (прил. къ ст. 14) числа вообще лицъ, которыя, по ст. 14 и 57, являются членами сихъ собраній, имѣющими право совѣщательнаго и рѣшающаго голоса. Въ этомъ убѣждаетъ прежде всего ст. 57, которая прямо говоритъ, что въ уѣздномъ земск. собраніи, кромѣ уѣздныхъ гласныхъ, участвуютъ представители вѣдомствъ: государственныхъ имуществъ, уѣзднаго и духовнаго, а также мѣстный городской голова. Это участіе можетъ выражаться лишь въ осуществленіи означенными лицами права совѣщательнаго и рѣшающаго голоса. А такъ какъ по ст. 75 пол. о зем. учр. дѣла въ земск. собраніи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, при чемъ для голосовъ лицъ, указанныхъ въ ст. 57, никакого исключенія или ограниченія въ этомъ случаѣ не сдѣлано, то слѣдовательно, голоса или мнѣнія этихъ лицъ такъ же законны и, если принадлежатъ къ группѣ большинства, также образуютъ постановленіе земск. собранія, какъ и голоса лицъ, упомянутыхъ въ ст. 14. Въ противномъ случаѣ законодатель несомнѣнно сдѣлалъ бы въ ст. 75, опредѣляющей порядокъ рѣшенія дѣлъ въ земск. собраніи, болѣе точное, ограничительное указаніе на то, что собственно надо разумѣть подъ словами „большинство голосовъ“. При такомъ положеніи дѣла само собою разумѣется, что и законность состава засѣданій уѣзднаго земск. собранія должна обуславливаться присутствіемъ въ собраніи не менѣе уста-

новленнаго закономъ числа лицъ, имѣющихъ право рѣшающаго голоса, т. е. лицъ, о коихъ говорится въ ст. 14 и 57. Съ другой стороны, если допустить, что лица, упомянутыя въ ст. 57, не должны быть принимаемы въ счетъ при опредѣленіи законности состава земск. собранія, то неизбѣжно пришлось бы допустить и возможность такихъ постановленій земск. собранія, которыя хотя и состоялись совершенно законнымъ порядкомъ, т. е. на основаніи мнѣній большинства членовъ собранія (ст. 75), но въ тоже время въ этомъ, обосновывающемъ ихъ большинство имѣлись голоса, принадлежащіе лицамъ, присутствіе коихъ не обуславливаетъ собою законности состава земскаго собранія. Подобное противорѣчіе не можетъ имѣть мѣста, если понимать участіе въ уѣздномъ земскомъ собраніи лицъ, упомянутыхъ въ ст. 57 въ прямомъ и полномъ смыслѣ, не ограничивая этого участія только подачею голосовъ въ собраніи, а понимая его какъ полное осуществленіе права, принадлежащаго вообще гласнымъ (ст. ст. 14 и 74 пол. о зем. учр.).

2 Отдѣленіе Уг. Касс. Департ. Пр. Сената.

(Условія примѣненія 104¹ ст. уст. о нак.).

По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ, выслушавъ кассационную жалобу купца Зоруха Ф. на приговоръ Слуцкаго Мироваго Съѣзда, по обвиненію его по 104¹ и 106¹ ст. уст. о нак., находить: законъ, ст. 19 и 688 уст. врачей, изд. 1892 г., относя къ обязанности губернскихъ врачебныхъ управленій совокупно съ полицейскимъ управленіемъ и подчиненными ему лицами надзоръ за продажою изъ лавокъ аптекарскихъ матеріаловъ и лекарственныхъ вещей, а особливо вещей ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ, не указываетъ однако, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особо указанныхъ мѣстностей, каковыя губерніи Царства Польскаго (ст. 210 уст. врач.), чтобы на самое открытіе лавокъ для торговли такими вещами требовалось особое дозволеніе или разрѣшеніе губернскихъ врачебныхъ управленій, или чтобы симъ управленіямъ предоставлено было воспрещать такую торговлю; въ отношеніи же продажи ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ правила таковой содержатся въ самомъ законѣ (ст. 663—689 уст. врачей.) и состоятъ въ слѣдующемъ: вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія раздѣляются на четыре разряда (ст. 663); веществами перваго разряда дозволяется торговать только купцамъ, избраннымъ для сего отъ общества, обязаннаго лишь извѣщать мѣстное медицинское начальство объ именахъ лицъ, коимъ дано такое дозволеніе (ст. 665), но и для нихъ не требуется разрѣшенія медицинскаго начальства или какой либо иной власти на такую торговлю (указъ Пр. Сената по I Д-ту отъ 25 мая 1889 г. № 6886), хотя при самой торговлѣ они подчиняются наблюденію медицинскаго начальства и обязаны выполнять соответствующія правила закона относительно продажи ихъ лишь имѣющимъ право покупки ихъ, записи отпусковъ въ особыя книги и въ свидѣтельства покупателей и представленія такихъ книгъ для повѣрки (ст. 664—679); продажа же веществъ втораго и третьяго разрядовъ предоставляется всякому купцу, съ тѣмъ лишь, что вещества втораго разряда могутъ быть продаваемы лицамъ, имѣющимъ свидѣтельства на безсрочное время или документы, удостоверяющія въ благонадежности покупателя, или даже и безъ документовъ, если покупатель извѣстенъ продавцу (ст. 681), а записка отпуски ихъ производится въ обыкновенныя купеческія книги, съ показаніемъ лишь количества проданнаго и лица купившаго (ст. 682); вещества третьяго разряда (названныя въ ст. 683 уст. врач. средствами втораго разряда) дозволяется продавать лишь въ аптеки и по каталогамъ или тре-

1) См. выше, статью Д. Д. Лобанова.

бованиямъ врачей, а вещества четвертаго разряда (названныя въ ст. 684 веществами третьяго разряда) могутъ быть продаваемы свободно; но въ мѣстахъ, гдѣ есть аптеки или москательныя лавки, не иначе какъ въ аптеки или москательныя лавки (ст. 684); и засимъ всѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества дозволяется продавать не въ смѣшеніи, но каждое порознь, и притомъ не изрѣзанными, не изрубленными и не приведенными въ порошокъ, исключая только тѣ вещества, которыя въ семь видѣ получаютъ самими торговцами (ст. 685), и на послѣднихъ возлагается обязанность хранить вещества эти въ особыхъ отдѣленіяхъ, изъ коихъ при каждомъ должны быть особыя вѣски, гири, совки и прочія потребности для укладки (ст. 686); на ярмаркахъ же торговля веществами втораго, третьяго и четвертаго разрядовъ допускается безъ всякихъ ограниченій. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что ст. 104¹ уст. о нак., нал. мир. суд., можетъ имѣть примѣненіе: при торговлѣ веществами перваго разряда—къ тѣмъ, кто, принадлежа или не принадлежа къ кушамъ, не былъ избранъ отъ общества для такой торговли (ст. 665 уст. врач.), при торговлѣ веществами втораго и третьяго разрядовъ—если она производится не кушамъ (ст. 680, 683), при торговлѣ же веществами четвертаго разряда она примѣненіе не имѣетъ, такъ какъ сія торговля можетъ быть производима всякимъ лицомъ (ст. 684); но затѣмъ законно торгующіе веществами ядовитыми и сильнодѣйствующими за продажу ихъ лицамъ, не имѣющимъ права на покупку ихъ, а равно за продажу ихъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ продавать ихъ дозволено, подлежатъ отвѣтственности по ст. 867 улож. о нак. Обращаясь къ настоящему дѣлу и привѣвъ во вниманіе: что Ф., имѣвшій купеческое свидѣтельство второй гильдіи и билетъ на торговое и промышленное заведеніе, именно на аптекарскій магазинъ, признанъ Мир. Судьею уличеннымъ въ изготовленіи лекарствъ по рецепту врача и въ торговлѣ сильнодѣйствующими средствами, указанными въ лит. Б. (второй разрядъ) не только безъ разрѣшенія врачебнаго отдѣленія, но даже и послѣ воспрещенія имъ таковой, и за сіе подвергнутъ: по ст. 104¹ уст. о нак.—денежному взысканію въ сто руб., съ замѣною при несостоятельности арестомъ на одинъ мѣсяць, и по ст. 106¹ уст. о нак.—денежному взысканію въ десять руб., съ замѣною при несостоятельности арестомъ на двое сутокъ, а по совокупности за оба проступка—денежному взысканію въ сто рублей съ замѣною при несостоятельности арестомъ на одинъ мѣсяць; что Сѣвздъ утвердилъ приговоръ Мир. Судьи, изложивъ свой приговоръ сбивчиво и невразумительно; что между тѣмъ, какъ купецъ, имѣвшій билетъ на торговое и промышленное заведеніе, Ф. имѣлъ право торговать сильнодѣйствующими веществами втораго и третьяго разрядовъ (ст. 663 уст. врач.), не нуждаясь въ особомъ для того разрѣшеніи врачебнаго управленія, и за такую торговлю не можетъ подлежать отвѣтственности по ст. 104¹ уст. о нак.; что изъ дѣла не видно, чтобы противъ него предъ-являлось обвиненіе въ продажѣ сильнодѣйствующихъ веществъ втораго или третьяго разрядовъ лицамъ, не имѣвшимъ права на покупку ихъ, или въ продажѣ ихъ не въ томъ видѣ, какъ закономъ дозволено, или въ несоблюденіи иныхъ установленныхъ закономъ мѣръ предосторожности при храненіи ихъ (ст. 867 улож. о нак.); что состоявшася о немъ по ст. 106¹ уст. о нак. приговора обвиняемый не обжаловалъ, — Пр. Сенатъ опредѣляетъ: приговоръ Сл. Мир. Сѣвада въ части, относящейся до

обвиненія купца Ф. по 104¹ ст. уст. о нак. и все производство по настоящему дѣлу въ сей части, за нарушеніемъ ст. 680 и 683 уст. врач., изд. 1892 г. и ст. 104¹ уст. о нак., отмѣнить со всѣми послѣдствіями.

(Рѣшеніе 24 марта 1900 г.)

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ

Подписчику № 2395 (1900 г.).

Можетъ ли вдова убитаго, выступившая въ уголовн. процессъ граждан. истиней, въ случаѣ признанія иска ей подлежащимъ удовлетворенію требовать, чтобы вознараженіе было ей присуждено въ видѣ единовременной выдачи изъ имущества обвиненнаго въ размѣръ 10 лѣтънаго присужденнаго ей содержанія?

По общему правилу, выраженному въ 676 т. X ч. 1 зак. гражд. содержаніе потерпѣвшимъ членамъ семьи вслѣдствіе причиненія смерти главѣ семьи (ст. 657, т. X, ч. 1) назначается только въ видѣ срочныхъ платежей годовыхъ или иной продолжительности, по усмотрѣнію потерпѣвшихъ. Послѣднимъ не разрѣшается требовать взаимнѣ такихъ срочныхъ платежей единовременной уплаты какой-нибудь суммы. (Рѣш. угол. кас. деп. 1882 г. № 53, гражд. кас. деп. 1888 г. № 79).

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

юридич. книжнаго магазина Н. К. Мартынова
(С.-Петербургъ, Невскій 50).

АНИСИМОВЪ, А. (нотаріусъ). Новый уставъ о герб. сборѣ, утв. 10 июня 1900 г. съ относящимися къ нему разьясн. Сената, законод. мотивами, подр. предметнымъ указателемъ въ алф. порядкѣ и очеркомъ существ. отличій новаго устава отъ прежняго. ДЕВЯТОЕ изданіе, 901. 1 р. въ пер. 1 р. 30 к.

— Алф. указатель объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи неправоиспособности, сост. по 1 янв. 901 г. 4 р., въ перепл. 4 р. 60 к.

АЛФАВИТЪ ДОВѢРЕННОСТЕЙ, уничтоженныхъ публикаціями въ Сен. объявл. съ 1888 г. по 1 янв. 901 г. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

ГАУГЕРЪ, А. Сборникъ рѣш. Общ. Собр. Сената за 30 л. (66—96) ц. 5 р. Дополненіе къ нему съ 96 по 900 г., составл. по системѣ Сборника, съ указа-телями. 901. 1 р. въ общемъ перепл. 6 р. 60 к.

ГМЕЛИНЪ, Р. Кр. очеркъ финансовой науки. 901. 50 к.

ГРЕДЕСКУЛЬ, Н. Соціалистич. изученіе права 900. 15 к.

ГРИБОВСКІЙ, Высшій судъ и надзоръ въ 1 пол. царств. Екатерины II. 901. 2 р. Матеріалы для исторіи высшаго суда. 901. 1 р. 50 к.

НОСОВИЧЪ, Г. Очеркъ исторіи крѣпостн. права. 901. 70 к.

СТАНКЕВИЧЪ, С. Сборникъ рѣш. Сената и узакон. о преимуществахъ службы въ отдален. мѣстностяхъ, а также въ губ. Зап. и Ц. Польск., съ дополненіемъ 1901 г. 3 р. 50 к., въ общемъ перепл. 4 р. 25 к.

ЧАГИНЪ, С. Новый законъ объ отмѣнѣ ссылки и замѣнѣ ея др. наказаніями, съ примѣчаніями и подр. перечнемъ статей Улож., въ которыхъ наказанія измѣнены этимъ закономъ 901 г. 30 к.

Каталогъ магазина на 1901 г. высылается бесплатно.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылаются 2 и 3 листы Рѣшеній Уголовнаго Кассационнаго Департамента за 1900 г. Новымъ подписчикамъ первые пять листовъ рѣш. гр. касс. д-та и первый листъ—угол. касс. д-та будутъ разосланы при 3-мъ и 4-мъ №№ „Правда“.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ:

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію
<p>Симоновъ, Юсифъ Фирсовъ, каз. Маликовъ, Аксентъ Петровъ, каз. Арутиновъ, Василій Андреевъ, Владик. куп. Булатовичъ, Василій Юсифовъ, кол. секр. Самарскій, Павелъ Николаевъ, отс. пор. Литвиновъ, Иванъ Михайловъ, каз. Пудавовъ, Алексѣй Григорьевъ, каз. Зельдесъ, Алтеръ Мордковъ, куп. Зазитъ, Эдуардъ. Зайнуллинъ, Мулла Ахметъ, оханск. куп.</p>	<p>С. о. отъ 25 Дек. 1900 г. № 108. Опека надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 379. Опека надъ имущ. по нетрез. и расточ. жизни. Р. VII, ст. 380. Опека надъ личн. и имущ. по психич. разстройству. Р. VII, ст. 381. Опека надъ личн. и имущ. по старчesk. слабоумію. Р. VII, ст. 382. Опека надъ личн. и имущ. по старчesk. слабоумію. Р. VII, ст. 383. Опека по сумасшествію. Р. VII, ст. 384. Опека по сумасшествію. Р. VII, ст. 385. Несост. должн. по торговлѣ. Р. VI, ст. 1096. Несост. должн. Р. VI, ст. 1097. Несост. должн., при этомъ судъ приводитъ 9 ст. Высш. утв. 1 Іюля 1868 г. мѣнѣя Гос. Сов. о порядкѣ производства дѣлъ о несостоят. Р. VI, ст. 1098. Несост. должн. по торговлѣ. Р. VI, ст. 1199.</p>	<p>1-я Дюнк. окр. опека. Хоперск. окруж. опека. Владикавк. сир. с. Винниц. сир. с. Винницк. сир. с. Черкас. ок. опека. Черкас. ок. опека. Кіев. о. с. Рижск. о. с. Пермск. о. с.</p>
<p>Хагатуровъ, Александръ Захаровъ, тифл. куп. Хагатуровъ, Исаакъ Захаровъ, тифл. куп. Холмская, Александра Петрова, жена поруч. Гущина, Марѳа Тимофеева, крест. Блецкій, Павелъ Сахаровъ, моск. куп. Борисовъ, Иванъ Егоровъ, моск. куп. отъ Имени Т. д. «Насл. Е. Н. Борисова, Марія Борисова съ С-ми и К^о. Воротниковъ, Егоръ Степановъ, мѣщ. Виноградовъ, Михайлъ Егоровъ, моск. куп. Громовъ, Николай Яковлевъ, мѣщ. Самсоновы, Михайлъ и Павелъ Герасимовы, крест. Озирянскій, Ушеръ Юсифовъ, одеск. куп. Геллеръ, Пинхасъ Дувидовъ и Эльха Шаюмова мѣщ. Лаврентьева, Анна Афанасьевна, крест. Гартлясъ, Фроимъ онъ же Эфромъ Файвелевъ, варш. куп.</p>	<p>Сенат. объявл. № 104 отъ 28 Дек. 1900 г. Несост. должн. по торговлѣ. Р. VI, ст. 1100. Несост. должн. Р. VI, ст. 1101. Несост. должн. Р. VI, ст. 1102. Несост. должн. Р. VI, ст. 1103. Несост. должн. Р. VI, ст. 1104. Несост. должн. Р. VI, ст. 1105. Несост. должн. Р. VI, ст. 1106. Несост. должн. Р. VI, ст. 1107. Несост. должн. Р. VI, ст. 1108. Несост. должн. Р. VI, ст. 1109. Несост. должн. Р. VI, ст. 1110. Несост. должн. Р. VI, ст. 1111. Несост. должн. Р. VI, ст. 1112.</p>	<p>Тифл. о. с. Тифл. о. с. Нѣжин. о. с. Моск. ком. с. Моск. ком. с. Моск. ком. с. Моск. ком. с. Одесск. ком. с. Одесск. ком. с. Одесск. ком. с. Одесск. ком. с. Одесск. ком. с. Варш. ком. с.</p>

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченій въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію
<p>Ретгеръ онъ-же Ратеръ, Густавъ Рижск., 2-й г. куп. Рудницкій, Метиславъ Антоновъ, инженеръ. Трифоновъ, Петръ Степановъ, Спб. 2-й г. купецъ. Савковъ, Степанъ Михайловъ, Спб. 2-й г. купецъ. Кальба, Адамъ Ивановъ, Спб. 1-й г. куп. Придорогинъ, Алексѣй Яковлевъ, мѣщ. Любинскій, Мендель Лейбовъ, мѣщ.</p>	<p>Сенат. объявл. № 103 отъ 25 Дек. 1900 г. Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1899 г. № 62, отд. I, Р. VI, ст. 618), призн. неостор. Р. VIII, ст. 309. Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1899 г. № 85, о. 1, Р. VI, ст. 861) за прекращ. претензій, Р. VIII, ст. 311. Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1898 г. № 42, о. 1, Р. VI, призн. неосторожной. Р. VIII, ст. 311. Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1897 г. № 88, отд. 1, Р. VI, ст. 1002) признан. неосторожн., Р. VIII, ст. 312. Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1897 г. № 63, о. 1, Р. VI, ст. 727), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 313. Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1893 г. № 89 отд. 1, Р. VI ст. 1251) призн. неостор. Р. VIII, ст. 314. Прекр. дѣло о несост. (откр. 1900 г., № 46, р. VI ст. 516) призн. неостор. съ послѣдств., указан. въ п. 2 ст. 622 У. С. Т. Р. VIII, ст. 315.</p>	<p>Рижск. о. с. Спб. ком. с. Спб. ком. с. Спб. ком. с. Спб. ком. с. Тамбов. о. с. Харьк. о. с.</p>

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Германъ, Владимір Карловъ, лекарь.	Сенат. объяв. № 103 отъ 25 Дек. 1900 г.	Харьк. о. с.
Пухляковъ, Дмитрій Алексѣевичъ, войск. старш.	Прекр. дѣло о несост. (откр. 1898 г., № 23, Р. VI ст. 26), признан. неостор. Р. VIII, ст. 316.	Моск. дв. оп.
Мальте, Петръ Александровъ, шкиперъ дал. плав.	Прекр. опека (устан. 1900 г. № 25, отд. 1, Р. VII ст. 102) за смертью, Р. VIII, ст. 317.	Одесск. ком. с.
Москалевъ, Федоръ Федоровъ, куп. братъ.	Прекр. дѣло о несост. (откр. с. о. 1900 г. № 92 отд. р. VI ст. 955), за прекращ. претензій Р. VIII, ст. 318. Прекращено дѣло о неторг. несост. (откр. 1895 г. № 53, отд. 1, Р. VI, ст. 591) признан. неостор. Р. VIII, ст. 319.	Таганрог. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Шакербая, Дата Шехановъ, двор.	Шакербая, Мисости, двор.	У Сухумек. Ног. А. Гегелетвили въ маѣ 1893 г. Р. IV, ст. 295.	Мир. с. Сухум. мир. отд.

Движеніе по государственной службѣ.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ

по гражданскому вѣдомству, 16 декабря 1900 года, № 83:

По вѣдомству министерства юстиціи.

Назначается пом. мир. суд. бат. мир. отд., к. с. Рудановскій—т. прок. елисаветп. о. с.

Перемѣщаются: т. прок. о. с.: елисаветп., т. с. Коловскій и бак., т. с. Короленко—т. прок. о. с.: первый бак., а второй—ставроп.

Увольняется отъ д.: с. пр., и д. с. слѣд. 1 уч. Царип. у., окр. сарат. о. с., с. с. Волянскій, по случаю причисл. его къ министерству.

Умершій исключается изъ списковъ, членъ рад. о. с., д. с. с. Спасскій.

ПРИКАЗЫ.

По губернскимъ учрежденіямъ.

Назначаются: ст. канд. на должн. по суд. вѣд. при окр. с.: тифл., к. секр. Гавриловъ и бак., к. с. Монастырскій—пом. м. с.: 1—3 уч. 3 отд. гор. Тифлиса, а 2—Шемахин. отд., зав. шемах. гор. уч., окр. бакин. окр. с., пом. секр. рев. окр. с., ок. к. ю. н. въ Имп. юрьев. ун. съ динп. 1 ст. Писка — пред. 1 верхняго крестьянск. с. Верроок. у.; гм. судьями по Сувалк. губ.: пом. секр. с. м. с. 1 отд. Сувалк. г. Романъ Вашкевичъ—1 окр. Кальварійск. у., Фелиціанъ Чаплицкій 1 окр. Сувалок. у., Степанъ Климашевскій—2 окр. Маріамп. у., Фома Лукашевичъ—1 окр. Владиславовск. у. и Вацлавъ Нарушевичъ — 1 окр. Волковышск. уѣзда.

Перемѣщаются: пом. мир. с.: 4 уч. 3 отд. гор. Тифлиса, к. а. Френкель и елисаветпольск. у. отд., завѣд. особымъ дзегам. м. уч., окр. елисаветп. окр. с., к. с. Страхъ—одинъ на мѣсто другаго, согл. проп.

Утверждаются гм. с.: по выб., по Сувалкск. губ.: Шмидтъ IV окр. Кальварійск. у., Средзевскій—1 окр. Августов. у., Вихертъ—1 окр. и Богусловскій—IV окр. Сейскаго у., И. Трэмбцкій—IV окр. Сувалок. у., Пацевичъ—1 окр. Маріамп. у., Кудырко—2 окр. Владиславов. у. и Громадскій—2 окр. Волковыш. у.